

Crème de la Crème

Гертруда Стайн

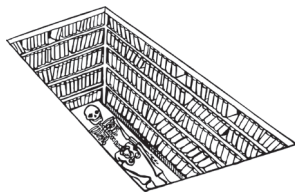
Q. E. D.

*Перевод с английского
Ильи Басса*

Kolonna Publications
Митин Журнал

ББК 84.4 США

Gertrude Stein
Q.E.D.

Издательство выражает признательность
Ирине Тюриной за помощь и поддержку

Редактор Анастасия Грызунова
Верстка и обложка: Дарья Протченкова
Руководство изданием: Дмитрий Боченков

Перевод, предисловие © Илья Басс, 2013
© Kolonna Publications, 2013

ISBN 978-5-98144-179-0

Q.E.D. в биографическом зеркале

В 1898 году Гертруда Стайн оканчивает колледж Рэдклифф – женское отделение при Гарвардском университете – со степенью бакалавра гуманитарных наук. Такое образование не готовило выпускниц к определенной профессии в нынешнем понимании. В конце XIX века для женщины обучение в колледже считалось более чем достаточным для того, чтобы стать примерной женой, хозяйкой и матерью. Лишь единицы отваживались продолжать учебу – и сталкивались с невероятными трудностями, включая устоявшиеся взгляды на роль женщины в обществе и мужской шовинизм. Гертруда еще в Рэдклиффе особенно интересовалась психологией и решила продолжать учебу. Ее обожаемый профессор Уильям Джеймс рекомендовал в дальнейшем изучать либо логику, либо психологию. Для логики требовалось серьезное изучение математики, для специализации в психологии следовало идти в медицину. На последнем Гертруда и остановилась.

Место для дальнейшей учебы напрашивалось само собой – город Балтимор, университет Джонса Хопкинса. Никаких сомнений. Туда перебрался брат Лео, ее идол детских и юношеских лет, там проживали родственники по материнской линии.

Но в 1899 году беспокойный, вечно ищущий новых впечатлений Лео решил оставить диссертационную работу и переехать в Европу на постоянное жительство.

С его отъездом в окружении Гертруды наступил временный вакуум. Вскоре она вместе с подругой по университету Эммой Лутц арендует домик. Благодаря Эмме, приятельницам брата и знакомым по университету она вошла в круг балтиморских девушек, отличавшихся особым вольнодумством.

В конце XIX начале XX века в английский язык вошел термин «бостонское супружество». Сам термин заимствован из книги Генри Джеймса «Бостонцы», где в деталях описаны отношения двух женщин, живущих как бы в браке. Их называли «новые женщины». Многие сторонницы суфражистского движения теоретизировали, что разделение людей по половому признаку условно, а их поведение зависит от социального положения и жизненного опыта.

Не миновала эта тенденция и Балтимор. Балтиморские девушки, в основном из привилегированных семей, открыто и вызывающе демонстрировали недовольство существовавшими нормами поведения и морали, устраи-

вали вечеринки, куда мужчины не приглашались. Большинство подруг Гертруды заводили романтическую дружбу между собой, и откровенные проявления этой дружбы – объятия, поцелуи, ночевки друг у друга – не считались аномальными; такие выражения как лесбийство или гомосексуализм едва ли фигурировали в общественной жизни, скорее в медицине. Идея, будто такие «браки» не исключают секса, была немыслима в викторианскую эпоху.

7

На постоянных чаепитиях, в исключительно женском кругу, девушки касались различных «женских» проблем. А обсуждать было что. Кроме обычных девичьих сплетен, у всех на устах была история нескольких женщин, спонсоров медицинской программы Джонса Хопкинса. Тогдашний президент Брин-Морколледжа Марта Томас годами была в интимных отношениях с несколькими партнерами поочередно, включая и *ménage à trois*. В последнем участвовал Альфред Ходдер, которого Стайн знала очень хорошо. Томас рассматривала замужество как «потерю свободы, скудость и порабощение абсолютно без компенсации». Кстати говоря, эта история легла в основу еще одного раннего произведения Стайн – «Фёрнхёрст».

Главенствовали в группе, к которой присоединилась Гертруда, Мейбл Хейнс и Грейс Лаунсбери, обе выпускницы Брин-Морколледжа, жившие вместе в Балтиморе. Они устраивали регулярные чаепития, куда при-

глашали студенток из университета Джонса Хопкинса, выпускниц Смит-колледжа и других учебных заведений. Хотя Гертруде было уже далеко за 20, старая дева по тем временам, она была довольно наивна в сексуальных вопросах и на разных вечеринках и в дискуссиях первое время с трудом улавливала тонкости беседы девушек гораздо опытнее ее. Как-то раз, не выдержав, она выпалила: «Я пытаюсь понять вас, женщин из Смита, и, наконец, понимаю. Незрелая девственность». На самом деле, незрелой была она сама. Гертруда оказалась лицом к лицу с опытными диспутантами, и ей, неискушенной, воспитанной в строгих правилах, нелегко было разобратся в сложностях их дискуссий о морали, основанной на индивидуальной свободе. Стайн с трудом ориентировалась в динамике отношений между женщинами, тщательно скрывавшими свои лесбийские игры разговорами о женской романтической дружбе.

Вечеринки кончились тем, что Гертруда Стайн влюбилась, впутавшись в мучительный женский треугольник. Ее любовь – Мэри, она же Мэй Букстейвер, выпускница Брин-Мор-колледжа, дочь верховного судьи штата Нью-Йорк, уже подрабатывала репетиторством и была активисткой суфражистского движения. Лишь позднее Гертруда поняла, что у Мэй в разгаре отношения с Мейбл Хейнс. Гертруда попала в любовный водоворот.

Пытаясь завоевать любовь Мэй и отлучить ее от Мейбл, Гертруда совсем растерялась.

Отчаявшись, она униженно попросила у Мэй совета, продемонстрировав полнейшую неопытность. Мэй в ответ только расхохоталась. Стайн надолго запомнила свой шок. Случай стал первым шагом на пути к настоящей зрелости. Признание своего неведения привело к месяцам непрерывных сомнений и моральному замешательству, но не к решению.

В октябре 1901 года после очередного во-
ежа в Европу Гертруда вернулась в Америку. 9
Любовный узел затягивался все туже. Мучительная агония продолжалась с перерывами в 1901–1903 годах. Перерывы были вызваны отъездами Гертруды в Европу на весну и лето. И тогда в обе стороны шел поток писем. Столько энергии она отдала своей любовной драме, что ни сил, ни желания учиться уже не оставалось.

Летом 1903 года вся троица, Мэй, Мейбл и Гертруда, встретились в Риме в последний раз.

Противостоя опытному, мощному сопернику, переживая моральный кризис и осознание своего лесбийства, Гертруда была отторгнута парой Мэй и Мейбл.

Конец интриги известен из переписки Гертруды с Эммой Лутц, ставшей к тому времени Эммой Ирвинг. Точнее, из писем Эммы, ибо письма Гертруды не сохранились. Выйдя замуж и переехав в Бостон, Эмма близко сошлась с Мейбл Хейнс, но связи с Гертрудой не теряла. А Гертруда после разрыва с Мэй долго пыталась осмыслить происшедшее и тереби-

ла Эмму, уже из Европы, допытываясь о подробностях жизни бывших подруг. В конечном итоге Эмме это надоело. Одно из писем явно недовольной Эммы содержит следующие строки:

10

Послушай, Герти, ты написала массу глупостей. Не впутывай меня в ситуацию, которую ты и две другие рехнувшиеся женщины создали из-за твоих эмоций и чувствительности. Если ты желаешь, чтобы Мэй морочила тебе голову ради удовольствия развращенной публики, – пожалуйста. Но я, испытывая к тебе дружеские чувства, оставляю за собой право возмущаться... Мейбл теперь ведет отчаянную борьбу, пытаюсь не лишиться рассудка, а доблесть я уважаю.

В 1906 году Эмма известила Гертруду, что Мэй Букстейвер и Мейбл Хейнс покончили с прошлым и устроили свою семейную жизнь. Букстейвер вышла замуж за Чарльза Ноблока. Детей у пары не было, и Мэй посвятила себя общественной работе, став известной феминисткой, политической активисткой и издательницей. Именно к ней обратилась Гертруда Стайн, пытаясь пристроить в печать свои первые портретные зарисовки. Благодаря Мэй литературные портреты Пикассо и Матисса были опубликованы в журнале

Camera Work, в августе 1912 года – выпуск был приурочен к открытию известной Арсенальной выставки.

Мейбл Хейнс вышла замуж за австрийского военного Конрада Хайссига и переселилась в Европу. От Хайссига она родила двоих детей. В 1927 году Мейбл пригласила Стайн на свадьбу своей дочери Иты (в Италии), но неизвестно, приняла ли Гертруда это приглашение.

II

А в 1907 году и Гертруда Стайн встретила свою судьбу – Элис Бабетт Токлас, почти на 40 лет ставшую ее подругой и любовью.

Психологическая драма, пережитая Стайн, как отмечено выше, почти без изменений легла в основу ее первого произведения – *Quod Erat Demonstrandum*, сокращенно Q.E.D. – «Что и требовалось доказать». В тексте использованы письма Мейбл и, вероятно, черновики писем самой Гертруды. Не исключено, что она записывала свои разговоры с Хелен. Имена она изменила.

Окончание новеллы датировано 1903 годом, сразу после разрыва, и в ней довольно полно отражены события и переживания самой Гертруды Стайн.

Новелла состоит из трех частей, и каждая концентрируется на одном из характеров любовного треугольника. Адель, сама Гертруда, молодая, искренняя, сторонница несколько «старорежимных» взглядов, признает любовь только в двух проявлениях: «задушевную дружбу» и физическую страсть. Она призна-

ется, что ее существо противится физической страсти во всех ее проявлениях. И однако же в ней самой совершенно неожиданно нарастает физическое влечение к обольстительной, но неуравновешенной Хелен, чьим прообразом стала Мэй Букстейвер. Опытная Хелен откровенно заявляет Адели, что в сексуальных вопросах та невежественна. Адель, желая добиться любви Хелен, униженно просит ее: «Я готова стать преданным учеником, если найдется умелый учитель». Их любовная связь развивается полным ходом, но постепенно Адель понимает, что у Хелен сложились давние отношения с искушенной и циничной Мейбл (Мейбл Хейнс), которая обращается со своей любовницей как с собственностью.

После возвращения трио из поездки по Европе Адель и Хелен продолжают встречаться тайно в Нью-Йорке и клянутся друг другу в любви. Мейбл начинает постигать характер отношений ее подруг и открывает Адели сексуальную и финансовую сторону своих отношений с Хелен.

Адель мечется между симпатией к «рабыне» Хелен, презрением к ней за готовность «проституировать» и своими моральными принципами.

Поездка Адели в Италию вместо успокоения приносит новые волнения. Встретившись в Риме с Мейбл и Хелен, она остается с ними на несколько дней. Но это время, проведенное под неусыпным взором Мейбл и наполненное напряженным молчанием, полностью

обнажает истинную природу отношений всех троих. К тому времени, когда Адель решается ради любви отбросить сомнения и моральные принципы, Хелен, измученная ее колебаниями и нерешительностью, разрывает с ней.

Развязка наступает, если верить автору, из-за различия натур. У них не совпадал пульс, как выразилась Стайн. В финале Адель констатирует, что динамика ее отношений с Хелен пошла на убыль.

13

Название новеллы Стайн, по-видимому, заимствовала из романа Генри Джеймса «Родерик Хадсон», описывающего похожий любовный треугольник. Героиня романа Мэри Гарланд, ради которой Роулэнд с риском для жизни добывает цветок, восклицает: «Я ни во что не верю! Я просто доверяю тебе, как ты и просил». «*Quod erat demonstrandum!* – вскричал Роулэнд. – Думаю, вы знаете латинский».

В те годы, по признанию самой Стайн, опубликовать новеллу такого содержания было невозможно. Гертруда спрятала рукопись и забыла. В конце 4-й главы «Автобиографии Элис Б. Токлас» Стайн упоминает о «короткой новелле, совершенно забытой на многие годы». Гертруда обнаружила ее, по всей видимости, в самом начале 1930-х при переезде в Билиньин, летнюю резиденцию. Рукопись Стайн вручила гостившему у нее писателю Луи Бромфилду. Сохранились письма Стайн к нему, из которых следует, что Гертруда подумывала о публикации, но ей отсоветовали, дабы скрыть содержание от Токлас. По всей

видимости, как раз тогда Элис прочла рукопись и пришла в ярость – не столько из-за содержания новеллы, сколько из-за сокрытия самого факта. В 1910 году, прежде чем клятвенно скрепить свой союз, Гертруда и Элис признались в своих прежних привязанностях (если таковые были). Но то, что Гертруда утаила связь с Мэй, Токлас посчитала предательством и несколько лет с почти параноидальным упорством напоминала об этом Стайн. По ее настоянию письма Мэй Букстейвер были уничтожены. Во время известного турне по Америке в 1933-1934 году Токлас, командуя расписанием лекций и встреч, отвадила всех бывших подруг Стайн, включая и Мэй Букстейвер-Ноблак.

По словам Леона Катца, который в 1953-1954 году бесконечными вечерами расспрашивал Токлас, ссора Гертруды и Элис продолжалась до второй поездки в Чикаго. Стайн весьма сурово заявила Элис, что если та не перестанет ее пилить, она, Гертруда, просто-напросто уйдет. По словам Токлас, нападки она прекратила, но обида оставалась еще долго. Просматривая рукописи Стайн, известный литературовед Дейдоу установила, что во всех произведениях, вышедших с 1932 года, Токлас, где могла, перепечатывая текст, заменяла слова *may/May* на *Can*. Впрочем, Стайн не оставалась в долгу и, встречая в текстах *manu* или *Mary*, нарочно опускала букву *n* или *r* – Токлас приходилось печатывать в ненавистные слова недостающие буквы.

После смерти Стайн, выполняя ее завещание о передаче всех материалов в архив Йельского университета, Дональд Геллап, тогдашний куратор архива писательницы, обратился к Токлас с просьбой передать рукопись новеллы. Рассказывает Геллап:

Я написал Элис, запрашивая рукопись. Она отослала две тетради рукописи и отпечатанную копию Ван Вехтену. Поначалу она поставила условие: никому другому не позволялось читать, пока она жива. Но, в конце концов, она предоставила нам право решать судьбу рукописи. Мы пришли к согласию опубликовать текст с небольшими изменениями, дабы замаскировать его автобиографичность. Элис согласилась. Нам показалось логичным изменить загадочное название на фразу из самого текста – «Всё как есть» [Things As They Are].

15

Первое издание новеллы было отпечатано в мае 1950 года тиражом 516 экземпляров и разошлось довольно быстро. Несколько книг получила и Элис Токлас. Ее реакция удивительна (из письма Геллапу):

Странно, что книга не привлекла внимания почти полудюжины людей, которым я отослала экземпляры, — они не пишут об этом и не желают говорить. Странно. Вы понимаете, как я боялась услышать что-нибудь. А ныне молчание приводит меня в ярость, что показывает радикальную перемену личного барометра; однако молчание это не объясняет, что думают читатели.

В 1971 году Q.E.D. вышла из печати целиком, без купюр, вместе с ранней повестью Стайн «Фёрнхёрст».

Илья Басс

Феба:

О, мой пастух, скажи ему, что значит
Любить.

Сильвий:

То значит – лишь вздыхать да плакать,
Как я – по Фебе.

Феба:

А я – по Ганимеду.

Орландо:

А я – по Розалинде.

Розалинда:

А я – ни по одной из женщин.

Сильвий:

То значит быть усердным и покорным,
Как я – пред Фебой.

Орландо:

А я – пред Розалиндой.

Розалинда:

А я – ни пред одной из женщин.

Сильвий:

То значит быть сплетенным из желаний,
Из прихотей, из ревности и страсти,
Из обожанья, нежности, смиренья,
Покорности, терпенья, нетерпенья,
Заботливости, верности, вниманья,
Как я – для Фебы.

Феба:

А я – для Ганимеда.

Орландо:

А я – для Розалинды.

Розалинда:

А я – ни для одной из женщин.

Феба

(Розалинде):

Тогда за что ж мою любовь ты гонишь?

Сильвий

(Фебе):

Тогда за что ж мою любовь ты гонишь?

Орландо:

Тогда за что ж мою любовь ты гонишь?

Розалинда:

Не разобрал, кому сказали вы:
«Тогда за что ж мою любовь ты гонишь?»

Орландо:

Той, кто не здесь и кто меня не слышит.

Розалинда:

Хватит, перестаньте! Собрались и воют,
словно ирландские волки на луну!

19

Уильям Шекспир,
«Как вам это понравится», 5:2¹

---

1 Перевод В. Левика.

Книга 1

Адель

Прошлый месяц жизни Адели в Балтиморе обернулся чередой изнурительных событий, и она сожалела, что не оказалась на пароходе в одиночестве. Удобно было воображать остальных пассажиров всего лишь деревянными фигурками; все они, несомненно, являли собой уныло знакомые типы, так что не было нужды замечать их существование. Эти же двое, которых при поверхностном взгляде вполне можно было бы отнести к «остальным», по мере знакомства безусловно продемонстрируют неведомые качества, новые и необычайные эмоции. Немного знания ничуть не опасно – наоборот, приносит весьма приятное удовольствие и полноту.

– О, да, – утром в день отплытия сказала Адель провожавшей ее подруге. – Я бы сейчас предпочла быть в одиночестве, но рискну предположить, что они окажутся вполне забавными. Мейбл Нит, конечно, я знаю неплохо, никаких особых отношений у нас нет, но мы частенько и более-менее занятно беседовали за чаепитием. Другую, Хелен Томас, я совершенно не знаю, хотя мы не раз встречались; она довольно интересный собеседник

и рассказывает занятные истории, но не совсем в моем вкусе. И все-таки не думаю, что путешествие выйдет безнадежно скучным. Ох, этот ужасный скрип! Нам предстоит пережить, познать и понять новые страны, новых людей и новые впечатления; а прежние страны, прежних друзей и прежние впечатления – переживать, познавать и понимать дальше.

Они провели на корабле несколько дней, и чувствовали себя вполне комфортно. Их любимое место имело один недостаток: оно располагалось прямо над винтом, и они ощущали толчок всякий раз, когда винт выступал из воды, однако погода стояла довольно спокойная, и такое случалось не очень часто.

Все три были американками, окончили колледж, принадлежали к обеспеченным слоям, но на этом их сходство заканчивалось. Их облик, привычки и речь, внешне и внутренне выдавали наследие разных регионов, различное происхождение и разные семейные идеалы. На них, типичных американках, отчетливо отпечатались некие старые цивилизации, в американском воплощении незаконченные и несовершенные, но неотступные.

Стройная фигура – Хелен Томас. Американская версия английской красавицы. В идеале она была бы неагрессивно решительной, слегка brutальной и совершенно отчужденной, чувственной, но не чувствительной, с талантом к упорству, неспособной к раскаянию.

Американская же версия в лучшем случае отчаянно блефовала. В расцвете юности Хелен все еще полагала себя нетронутым идеалом; она еще не подозревала о своей слабости, никогда не признавалась себе в неудачах.

Мейбл Нит лежала на палубе, положив голову на колени Хелен; ее дискомфорт и напряжение длинного угловатого тела вполне выдавали в ней жительницу Новой Англии. Такова одна из особенностей американской женственности: в теле кокетки нередко таится душа недотроги, а нескладные формы старой девы скрывают естество женщины из тропиков. Мейбл Нит обладала нескладной фигурой старой девы, но лицо говорило о другом. Изжелта-бледное, смуглое; узкие виски и лоб, тяжелые складки у рта, но не от тяжести плоти, а от бремени необузданной страсти, вечно утоляемой и вечно жаждущей. Удлиненный бесформенный подбородок – свидетельство сомнительной нравственности. Будь очертания несколько тверже, лицо стало бы зловещим. В идеальной своей завершенности оно могло бы принадлежать декадентским дням величия Италии. Ныне же ему уже не выразить во всей полноте натуру, что скрытно ненавидит и искусно отравляет. В американской женщине аристократизм опошвился, власть одряхлела. Не обретя моральных ценностей, будучи подорвана в отсутствие потребного развития самых сильных своих инстинктов, натура эта перестала быть опасной, лишь обернулась бесцветной и

аморальной, хоть и сохранила налет былого аристократизма, не позволявший скатиться к презренной бесчестности.

26 Третья девушка растянулась на палубе, и естественная свобода ее движений, бессознательное стремление к удобству выдавали в ней уроженку земель, где царят леность и солнце. Она тесно прижалась к голым доскам, будто привыкла любовью умягчать твердую землю. Слегка поерзав, она пристроила крупное тело к доскам палубы, удовлетворенно вздохнула и прошептала:

– Как хорошо на солнце.

Некоторое время они тихонько наслаждались комфортом, а затем Адель, опершись на руку, продолжила прерванный разговор.

– Конечно, я не логична, – сказала она. – Логика – одна сплошная глупость. Единственные обязанности человека – разумность и справедливость. Я знаю, Мейбл, ты не согласишься, что таков мой портрет, но так оно и есть. Я разумна, поскольку отличаю понимание от непонимания, и справедлива, поскольку не имею мнения о том, чего не понимаю.

– Звучит и в самом деле прекрасно, – вмешалась Хелен, – но мне как-то не кажется, что твои слова поистине тебя отражают. Мейбл говорит, ты считаешь себя типичной представительницей среднего класса, превыше всего восхищаешься идеалами среднего класса, и однако же твои мысли и взгляды выдают иное. Как ты можешь ожидать доверия с такой непоследовательностью?

– Противоречие не во мне, – сказала Адель, по такому случаю сев и подкрепляя свои аргументы оживленной жестикуляцией. – Это все ваши извращенные идеи. У вас дурацкие понятия, что принадлежать к среднему классу вульгарно, ценить добропорядочность и правила хорошего тона – заурядно, а быть матерью – примитивно. Вы утверждаете, что я не принадлежу к среднему классу и ни во что подобное не верю, поскольку не вульгарна, не заурядна и не примитивна, но здесь-то вы и ошибаетесь. Вы не понимаете важной вещи: и добродетель, и порок вульгарны, если лишены страсти. Вы полагаете, будто сила их различна. Да, это так, и лишь потому, что у них разнится шкала ценностей. Что до вульгарности, то, многократно к ней не прибегая, нельзя продать то, что надлежит страстно подарить, о добродетели речь или же о пороке, и не исключено, что, избегая вульгарности добродетели, вы замазываетесь вульгарностью порока. О, Боже! Опять я за свое! Никак не научусь помалкивать, но вы уже знаете, что я обладаю слабостью своего племени. Я верю в святость ритуалов беседы, даже когда она превращается в монолог.

– Ну, не прерывайся, – негромко проговорила Мейбл, – это занятно, и мы знаем, что ты все равно в это не веришь.

– Ладно, – парировала Адель, – вы думаете, у меня нет принципов, поскольку я принимаю всё как есть, но и тут вы ошибаетесь. Я считаю так: сгибайтесь, склоняйтесь снова

и снова, но сохраняйте способность распрямиться; учиться этому вам обоим предстоит по-своему, я же буду нежиться на солнце, – и надолго повисло молчание.

Они мирно лежали на теплом солнышке, созерцая голубейший из голубых океанов, а ветер целовал их порывами, огромными и теплыми. Наконец Мейбл со стоном села.

28 – Нет, – заявила она. – Я больше не могу себе внушать, что мне удобно. На самом деле, никогда не верила, а этот проклятый винт невыносим. Я возвращаюсь в шезлонг.

Затем меж Хелен и Мейбл последовал неизбежный и бесконечный обмен репликами; одна сторона предлагала разделить с другой компанию, другая отказывалась – все, как того требует этикет, а также изощренные дискуссии и объяснения, неотвратимые, когда не искренни ни предложение, ни отказ. Наконец, Адель не выдержала:

– Я всегда благодарил Бога, что не родилась женщиной¹, – после чего Мейбл спешно собрала вещи и спустилась по трапу к каютам.

Оставшись вдвоем, девушки вновь уместились безмятежно, но теперь наступившая тишина тонко намекала на важность их пребывания наедине. Обе они настолько этого не ожидали, что сомневались, сознает ли это другая сторона. Наконец, Адель приподня-

---

¹ Аллюзия на иудейское утреннее благословение: «Благодарю тебя, Всевышний, за то, что не создал меня женщиной».

лась и положила голову на локоть. После паузы она заговорила очень мягко, не глядя на подругу:

– Столько говорят о безбрежности океана, но у меня совсем другое впечатление. Меня возмущает, что это самое ограниченное пространство на земле. Комната, где едва можно повернуться, неизмеримо больше. В океане ты словно под перевернутым блюдечком, пусть и красивым, и белым, и чистым. Все границы очерчены и наглухо закрыты. Никуда не деться от тюремных стен. У тебя нет ощущения невыносимого заточения?

29

Она взглянула на компаньонку, которая, хоть и смотрела пристально, похоже, ни слова не услышала. После минутного молчания Хелен вернулась к прежнему разговору, будто и не было перерыва:

– Скажи, что ты имеешь в виду, причисляя себя к среднему классу? Судя по тому, что я успела заметить, ты, вероятно, права, утверждая, что разумна и справедлива, но ведь понимать других и даже себя – последнее, о чем заботится человек из среднего класса.

– Я никогда не заявляла, что принадлежу к среднему классу своим разумом и правдой, – широко улыбнулась Адель. – У меня, пожалуй, опыт всех апостолов. Я отторгнута классом, чьи устремления поддерживаю, но здесь это ни при чем. Я лишь утверждаю, что идеал среднего класса, требующий от людей быть душевными, добропорядочными, честными, довольствоваться имеющимся, избегать по-

трясений и культивировать безмятежность, привлекает меня. Попросту говоря, это идеал любящей семьи, идеал честных деловых отношений.

– Но ведь в этой системе совершенно нет места страстям!

30 – Здесь есть место моральным страстям, они тут существенны, но основная моя мысль – протест против склонности многих из вас заниматься чем угодно исключительно ради опыта. Я твердо верю: цель любого действия – сделать нечто или приобрести знания, необходимые в будущем, каков закономерный итог всякого образования. Опыт, приобретаемый лишь ради ничтожного обладания опытом, по-моему, банален и аморален... Что до страсти, – добавила она, посерьезнев, – видишь ли, я многого в этом не понимаю. Для меня подлинны только две ее разновидности, душевная дружба и физическая страсть, а перед последней я питаю почти пуританский ужас, сопротивляюсь любой из многих ее скрытых форм. По моему мнению, чтобы оказаться способным совершить нечто стоящее, необходимо уметь идеализировать другого, а я этого, похоже, лишена.

После паузы Хелен объяснила:

– Вот почему такой человек, как ты, вдумчивый и крепкий, может быть почти возмутительно молод и неопытен, почти по-глупому счастлив и доволен.

Опять воцарилась тишина, а затем Адель убежденно сказала:

– Я готова стать преданным учеником, если найдется умелый учитель, – и больше этой темы они не касались.

В последовавшие долгие дни безделья между ними постепенно возникла душевная приязнь. В прохладные вечера, когда Адель лежала на палубе, Хелен прикрывала ее от ветра; временами рука ее нежно покоилась на лице Адели, пальцы едва трепетали у губ. Тогда в Адели поднималось смутное сопротивление, словно, не будь она инертной, попыталась бы решить, стоит ли уступать или сопротивляться, но она чересчур устала, решиться не могла, а потому лежала беспомощно бессловесная, бессильная.

Отношения развивались столь постепенно и незаметно, что лишь проницательнейший наблюдатель различил бы перемены в поведении всех троих. Они общались как прежде. Вели долгие беседы, и Адель яростно и ярко живописала свои взгляды и теории о нравах, людях и прочем; Хелен же, питавшая в корне иные убеждения, желания и иллюзии, во всем ей упорно противостояла.

Мейбл всегда слушала с огромным наслаждением, как бы присутствуя на спектакле, ради нее поставленном, и, странным образом, хотя спорщицы в своих доказательствах и возражениях были серьезны, это и был спектакль, поставленный ради нее.

Однажды в полдень Адель отдыхала в шезлонге, охваченная усталостью, павшая духом от недавних неудач. Подняв глаза, она поймала взор Хелен. Лицо Адели изменилось.

– Прошу прощения, – сказала она. – Я не заметила, что кто-то рядом. Извини, неприлично с моей стороны демонстрировать, что у меня творится на душе.

32 – Нет, это мне надлежит извиниться за то, что смотрела, – серьезно ответила Хелен. Адель смерила ее долгим взглядом бесстрастного наблюдателя.

– Я и не ожидала найти в тебе кроткого и участливого представителя человеческого рода, – тихонько произнесла она, а Хелен как бы пояснила:

– А я и не ожидала, что ты сочтешь меня такой.

Этот невыразительный диалог ничего не изменил и не тронул их обеих. То был обмен бесстрастными заявлениями, простое наблюдение по случаю. Время шло – никаких многозначительных слов, взглядов или жестов; ни одна не обнаружила в другой осознания происходящего.

Как-то вечером, лежа в темноте, уступив скорее намеку, чем порыву, Адель прижала трепещущие пальцы Хелен к своим губам. Для нее самой этот жест лишен был выразительности или смысла.

Следующей ночью у себя в каюте она внезапно очнулась от долгой эмоциональной апатии. Впервые она сообразила, сколь глубоко-

ко осознание Хелен и насколько сама она не постигает степени и смысла этого осознания. Долго размышляла она об этом. Наконец, она принялась объяснять себе: «Нет, совершенно ничего не понимаю. Ведь так много возможностей, и потом, есть еще Мейбл. – И опять задумалась. В конце концов ее мысли сформировались: – Возможно, конечно, что Хелен просто плыла по течению, как и я, а может быть, ей интересно, как далеко я зайду, прежде чем меня остановят мои принципы, если они меня остановят; но опять-таки, едва ли я ей по-настоящему нравлюсь, и опять-таки, возможно, она ведет совсем другую игру. К тому же, Мейбл. По-видимому, ей не положено знать, но подлинно ли это; что это меняет; действительно ли я нравлюсь Хелен, или она скрывает ради игры в таинственность. Конечно, она права. Я – совершенная невежда. После десяти дней дружеских бесед у меня нет ни малейшего о ней представления, никакого ключа к ней самой и ее намерениям. Должно быть, я ужасно глупа. – И она безутешно покачала головой: – Завтра наш последний день вместе, и вряд ли я что-то выясню, а так хотелось узнать. Не понимаю, как подобраться к этому, совсем не понимаю, вот разве что, – тут она улыбнулась, – разве что спросить ее, но как я узнаю, скажет ли она правду. Все, конечно, суeta суeta – некогда я полагала, будто кое-что знаю о женщинах». И с глубоким вздохом, озадаченная, успокоилась и уснула.

На следующий день, оставив Мейбл в уюте с книгой, Адель, настроившись на эксперимент, вернулась с Хелен на их излюбленный наблюдательный пункт. Стоял яркий день, и Адель распласталась на палубе, радуясь солнцу и окружающей голубизне. Минуту она смотрела на Хелен, затем, весело блестя глазами, расхохоталась.

34

– Ну что еще? – спросила Хелен.

– Ой, ничего особенного. Подумала, как это в целом глупо, Мейбл, и ты, и я. Не думаешь ли ты, что все это довольно глупо? – В ее лице не было насмешки, ничего, кроме веселья.

Лицо Хелен оставалось непроницаемым, никакого отклика, но вскоре она нанесла недвусмысленный словесный удар:

– Боюсь, твоя натура способна только на страстишки. Ты боишься переступить через свою мораль, ты решишься нырнуть разве что в мелкую лужицу.

Адель не обиделась, ее улыбка сменилась задумчивостью.

– Да, что-то в этом есть, – ответила она, – но, в конце концов, если у человека имеются моральные принципы, незачем придерживаться их жестко. Я согласна, их хватит на пару миль заплыва, но затеряться посреди океана – верная смерть. Не очень-то героическое заявление, но я никогда и не хотела быть героиней, хотя, с другой стороны, – прибавила она, – я не стремлюсь поощрять трусость. Интересно... – тут она прервалась. Хелен дождала немного и ушла.

Адель долго смотрела на воду.

– Интересно, – повторила она. Потом договорила определеннее: – Да, интересно. Бесплезно раздумывать о Хелен. Я сейчас осведомлена не больше, чем ночью, и вряд ли узнаю что-то еще. Она не дает мне зацепок, и ключ к замку явно не у меня. Не может быть, чтобы я ей всерьез нравилась, нет, это невозможно. – И она снова погрузилась в молчание.

35

Размышления опять приобрели законченность. «Что это для меня: очередное небольшое потворство мелким эмоциям или возможность по-настоящему научиться переживать сильные чувства? Если первое, то я немедленно, безотлагательно это прекращу. Если же второе, то я не отступлю, нет, пусть даже нарушу мораль. – И она улыбнулась: – Да уж, разобраться очень трудно. Эта возможность – лишь одна из многих, так что, пожалуй, мне лучше с этим покончить. Сегодня мы последний день вместе, и я должна прекратить сию минуту, если хочу выйти из этой истории достойно». Она выбросила все из головы и некоторое время наслаждалась ярким солнечным днем. Затем поднялась и присоединилась к подругам. Села подле Хелен и тут же передумала. Все и впрямь было по-другому, голос морали потерял свою важность.

Вечером весь скучный ужин Хелен промолчала. Обязанность развлекать спутниц легла на плечи Адели, и она поддерживала разговор оживленно и без усталости. После ужина все

вернулись на свое излюбленное место. Стояла удивительная ночь – их последняя ночь на корабле. Они лежали на палубе под яркими звездами, и вспаханное гребным винтом вино-чермное море игристой полосой тянулось за кораблем. Хелен все молчала, а Адель, пространно разглагольствуя о непревзойденном свете звезд в Калифорнии и собственных детских проделках, которыми она щедро потчевала Мейбл, неотступно раздумывала, в самом ли деле она дорога Хелен.

«Я была днем груба? – наконец отчетливо спросила она себя. – И впрямь ли я ей нравлюсь? Если да, с моей стороны пристойно будет подать ей знак раскаяния, ибо, если я ей нравлюсь, мне страшно стыдно своей легкомысленности; ну, а если нет и она просто играет со мной, тогда не хочу извиняться». Ее выбор колебался между двумя возможностями. Она уже почти остановилась на той, что великодушнее, и тут почувствовала, как ладонь Хелен нежно прижалась к ее глазам. Неприятные подозрения испарились тотчас. Адель уверилась в глубоких, и щедрых чувствах Хелен. То было первым признанием взаимного доверия.

Ночь становилось все прохладнее, яснее и прекраснее. Мейбл ушла. Они прижались друг к другу теснее, и чуть позже Адель решилась.

– Ты была очень великодушна, – прошептала она, – скажи, насколько я дорога тебе.

– Больше, голубушка, чем тебе известно и меньше, чем ты думаешь, – ответила Хелен. А затем выпалила: – Адель, мне представляется, ты способна на истинную дружбу. Ты одновременно бесстрашна в суждениях и лояльна в своих чувствах; ответь, станем ли мы друзьями.

Адель серьезно задумалась.

– Обычно известно, когда нет шансов, что знакомство перерастет в дружбу, но с другой стороны, невозможно предугадать, есть ли такой шанс в данном случае. Говоря по правде, я не знаю, – сказала она.

Хелен с горячностью ответила:

– Уважаю за честность.

– О, честность – пренебрежительно отозвалась Адель. – Честность – эгоистичная добродетель. Да, я вполне честна. – После продолжительной паузы она задумчиво прибавила: – Интересно, понимаем ли мы обе хоть отчасти, что происходит в голове у другой.

– Ты, очевидно, считаешь меня коварной? – спросила Хелен.

– О, нет – возразила Адель – Я недостаточно тебя знаю и не могу судить о твоём коварстве. Прости, не хочу показаться жестокой, – добавила она озабоченно, – но я и в самом деле не знаю.

Наступила длительная тишина. Адель внимательно созерцала звездное небо. Внезапно она почувствовала, как страстно целуют ей глаза и губы. Она смутно отметила, что сама апатична и безответна. Снова наступило молчание. Хелен неотрывно смотрела на нее.

– Ну, – наконец произнесла она.

– О, – медленно ответила Адель – Я просто думала.

– Перестанешь ли ты когда-нибудь думать и начнешь ли чувствовать? – серьезно спросила Хелен.

Адель в нерешительности покачала головой:

38

– По-моему, мне ни за что не дадутся чувства, если в то же время нельзя думать. Я всегда думаю. Не понимаю, как можно остановиться. Мышление – процесс довольно постоянный, – продолжала она, – иногда активнее, иногда наоборот, но присутствует почти всегда.

– В таком случае лучше оставлю-ка я тебя наедине с мыслями, – решила Хелен.

– О, не уходи! – воскликнула Адель. – Я не хочу даже пошевелиться.

– Это почему? – осведомилась Хелен.

– Ну, – в нерешительности ответила Адель, – может, это просто вялость.

– Я в самом деле должна идти, – мягко повторила Хелен. Ни в ее голосе, ни в жестах не было резкости.

Адель села, Хелен наклонилась, тепло поцеловала ее и ушла.

Некоторое время Адель сидела в оцепенении. Наконец, с сомнением покачала головой и прошептала:

– Интересно, это и впрямь вялость? – Она еще посидела среди разбросанных ковриков,

затем опять с сомнением покачала головой и сказала с печальной ухмылкой: – Я спросила безмолвные звезды, но они не ответили. Боюсь, мне это не осилить.

И бросила думать. Посидела тихо, всматриваясь в чуждую ночь. Потом собрала коврики и пошла вниз. Внезапно остановилась и тяжело опустилась на скамейку.

– Надо же, – с живым интересом прошептала она, – похоже на математику. Вдруг все решается само, и начинаешь понимать. – И она рассмеялась: – Боюсь, Хелен не придала бы этому большого значения – это же всего-навсего понимание. Но прежде я не понимала вовсе, а сейчас, похоже, действительно начинаю понимать. Да, очень странно, но я безусловно начинаю понимать.

39

Все лето Адель находилась под впечатлением пережитого, но понимание ее не углубилось. Она безостановочно размышляла, и рассуждения неизменно оканчивались рефреном, наполненным детской гордостью: «Я и в самом деле что-то поняла, я определенно уловила проблеск».

Она думала об этом, даже когда с братом лежала по вечерам на холмах Танжера, чувствуя себя как дома среди марокканцев, которые, пересекая холмы в своих белых одеяниях, мелькали в траве призрачными кроликами. Она с неподдельным интересом, который никоим образом не притупила долгая

близость, соглашалась и бесконечно спорила с братом, или же они хитроумно дурачились, вспоминали старые шутки, и она в полной мере наслаждалась радостью семейной дружбы. Она понимала, что тот проблеск не имеет с этим ничего общего. Он принадлежал другому, не столь приятному и менее совершенному эмоциональному миру. Он не прояснял нынешнее состояние и пока сам по себе не был притягательным; но, как она отметила про себя в конце очередных бесплодных размышлений, «это нечто следует знать. Почти как обязанность».

Сидя во дворе Альгамбры, наблюдая, как снуют туда-сюда ласточки, гнездившиеся в трещинах стен, купаясь в нежном воздухе, напоенном запахом мирта и олеандра, подставив лицо и ладони обжигающему солнцу, погрузившись в чувственное наслаждение, она не уставала шептать:

– Нет, это не так просто, это нечто большее, нечто другое. Я по-настоящему не ощутила, но уловила проблеск.

Однажды она сидела на холме с видом на Гренаду, опустевшую на полуденном солнцепеке. По сухому бурому холму взбиралась юная испанка с тяжелым мешком. Когда она подошла поближе, они улыбнулись друг другу и обменялись приветствиями. Девочка усеелась рядом. Она была одной из тех маленьких женщин, каких много в ее сословии, – полная

спокойного достоинства и материнской ответственности.

Они сидели рядышком, как настоящие друзья, между ними царило полное понимание, и разговор их был избавлен от общих мест, поскольку языка друг друга они не знали. Они посидели на холме, затем поднялись и пошли вместе. Расстались они, как расстаются немногословные друзья, и пока были в поле зрения, оборачивались снова и снова, обмениваясь дружескими знаками прощания.

41

Когда спутница исчезла, Адель вернулась к своей неотвязной мысли. «Такое простое переживание замечательно – может ли новое понимание доставить мне бóльшую радость? – спросила она себя. И ответила: – Сильно сомневаюсь. Оно не углубляет переживаний, оно лишь раздражает, мешает и разрушает мою блаженную безмятежность. Небеса, ну, не эгоистка ли я!» – воскликнула она и целиком отдалась во власть солнца.

Позднее, лежа на земле, она снова читала «Новую жизнь» Данте, погрузилась в историю Данте и Беатриче. Она читала с всепоглощающим интересом, ибо теперь история эта словно озарилась божественным ясным светом. Ликуя в своем новом понимании, она торжествующе воскликнула:

– Наконец-то я начинаю соотносить, о чем толкует Данте, и значит, в моем проблеске было нечто нормальное и стоящее! – И была она бесконечно довольна.

Книга 2

Мейбл Нит

Комната Мейбл Нит вполне создавала условия для многодневного и ненавязчивого проживания. Мейбл владела исключительным талантом создавать особую атмосферу. Комната очень удобной планировки, с темными стенами, но с заурядной обстановкой, была не просто изящно скромна – она была идеальна. В ней хватало освещения, чтобы при встрече можно было с удовольствием лицезреть друг друга и при этом затенить скромное убранство или, скорее, внушить гостю впечатление, будто оно наверняка приятно глазу.

Справедливо утверждение о том, что комнаты, как и люди, обладают, по крайней мере, одной привлекательной чертой. Платья французенок украшены некой модной деталью, которая приковывает взгляд; вот и Мейбл декорировала свою комнату так, чтобы гости, наслаждаясь беседой, обращали внимание только на приятный камин.

Но важнейшим элементом успеха атмосферы была сама личность Мейбл. Обычный гость выражал это просто, называя Мейбл

«безупречной хозяйкой»; благожелательные гости отмечали не столько манеры безупречной хозяйки, сколько ненавязчивые, благородные черты, присущие аристократу.

46 Избранные – каковых была не группа, а несколько отдельных посетителей – находили такое утверждение неверным, хотя им было неизмеримо трудно объяснить свои ощущения. Этот итальянский дух, чужой в окружении бесстрастной морали, неизбежно трактовался превратно, хотя его очарование ценили. Родословная никак не объясняла характер Мейбл. С декадентской Италией ее объединяло чисто духовное родство.

Способность вписаться в эту атмосферу – комнату, заполненную простыми и совершенными аксессуарами, – демонстрировала самую отчетливую черту этого родства в нынешней жизни Мейбл. Все же остальное доказывало сплошные провалы – отсутствие воли, крах личности. Ее страсти, хотя и сильные, не умели надолго удержать объекты желаний. Искусность и безличность атмосферы, обладай Мейбл очевидной волей, могли бы стать неотразимо притягательными здесь, в обществе равных, где не бывает секретов, а у ищущего полная свобода поиска, однако Мейбл не хватало жизненной силы, необходимой для лидерства. Она была неразборчива в средствах, но использовала чересчур хрупкое оружие, разлетавшееся на куски при энергичной обороне.

Для достижения успеха современность не оставляет времени на тонкость и хитроумие. К тому времени, когда последние начинают приносить плоды, инцидент уже забыт. Сверх того, хитроумие, потребное эффективной власти, есть оружие опасное, а в современном мире быть хитроумно опасным – чересчур велик риск. Потому Мейбл могла покорять, лишь вселяя жалость, ибо не умела покорить, вселяя страх.

47

Одно время Адель принадлежала к узкому кругу Мейбл. Умение наслаждаться свободой и привычка к неограниченному безделью в сочетании с энергией и способностью к бесконечному и живописному всестороннему анализу человеческой личности дали Адели право на принадлежность к этому кругу, каковое укреплялось ее инстинктивным стремлением к близости без фамильярности и готовностью приспособливаться к неизбежной беспристрастности, которую требовали отношения с Мейбл.

– Довольно скучно возвращаться, ведь мы все согласны, что Балтимор не вполне подходит для жизни, но эта старая привычка, несомненно, очень приятна, – заметила Адель, удобно растянувшись на диване. – И к тому же, гораздо проще наслаждаться подобными радостями, когда в городе не очень-то захватывающая жизнь. Нет, это не для меня, – продолжала она. – Есть смысл суетиться, знаешь ли, когда возможно добиться совершенства, а иначе и старые развлечения сойдут. В любом

случае, что за польза от чего бы то ни было, если это не Испания? Хорошо бы тебе когда-нибудь туда съездить. – Это была их первая встреча, и они подробно делились свежими впечатлениями.

– Долго ты пробыла в Нью-Йорке после прибытия? – наконец спросила Мейбл.

48 – Всего несколько дней, – ответила Адель. – Хелен наверняка писала тебе, что мы ненадолго встречались. Мы вместе пообедали перед моим отъездом, – добавила она, вспоминая смятение, вызванное этой встречей.

– Ты и не ожидала, что она тебе так понравится, да? – сказала Мейбл. – Помню, ты как-то заметила, что она показалась тебе грубоватой и почти декаденткой; ты даже не нашла ее интересной. Ты ведь, – добавила она, – недолюбливаешь декадентство.

Адель ответила откровенной бравадой:

– Да, так и сказала и не возьму слова обратно. Я совсем не уверена, что она не грубовата и не декадентка, и ни то, ни другое мне не нравится. Однако она интересна, во всяком случае как личность, но беседа с ней интересует меня не больше прежнего. – И, смелее вступая в игру, продолжала: – Но вообще-то я знаю о ней очень мало, разве то, что она не любит родителей и помногу вращается в обществе. Что еще?

Мейбл нарисовала весьма неприятный портрет родителей Хелен. Отец, успешный юрист и судья, исключительно безжалостный и ограниченный человек, который с большой

изобретательностью ухитрялся быть неприятным, симпатии отнюдь не вызывал. Не лучшим образом предстала и мать, очень религиозная, которая вечно горевала, что бог забрал к себе не Хелен, а других – мальчика и девочку, оставшихся в ее памяти приятными и милыми детьми.

Однажды в детстве Хелен услышала, как мать сказала отцу: «Какая жалость, что осталась именно Хелен».

49

Мейбл описала, как родители пытались сломить дух Хелен и как они гневались, что им это не удастся.

– А теперь, – продолжала Мейбл, – они возражают против всего, что дочь делает, против ее друзей, против всех ее интересов. Миссис Т. всегда принимает сторону отца. Конечно, они гордятся ее красотой, умом и успехом в обществе, но она не выходит замуж и не желает угождать людям, с которыми мать старается ее свести. Теперь родители не осмеливаются ей перечить, потому что она куда лучше их умеет говорить гадости.

– Вне сомнения, Хелен способна вести себя необычайно скверно, если ей заблагорассудится, – рассмеялась Адель, – и если она нечувствительна к чужим страданиям, талант к оскорбительному остроумию может стать привычкой и превратит Хелен в крайне неприятную дочь. Я, пожалуй, могу сострадать старшим, если они поверят мне свои печали. Кстати говоря, разве Хелен не обращается к ним, как положено детям об-

ращаться к родителям? Она всегда называет их мистер и миссис Т.

– Ну да, – сказала Мейбл, – они соблюдают формальности.

– Странное дело, – прокомментировала Адель. – Я происхожу из общества, где все могут беспрестанно ссориться и спорить, но все равно сильно привязаны к родным и бесконечно уважают кровное родство, и такое мне понять нелегко.

– Да, и снова ты со своими идеалами среднего класса, – ввернула Мейбл.

Она затем похвалила храбрость и смелость Хелен.

– Когда возникают трудности с лошадьми или еще какое опасное дело, они всегда зовут Хелен. Ее отец мелочен с деньгами и выделяет ей очень мало. А случись что-нибудь с коляской, когда в ней выезжает Хелен, он заставляет дочь платить, и ей приходится раздобывать деньги где только можно. Бесстрашие, однако, никогда не покидает ее и то, что она не выказывает знаков смирения, бесит отца. На что-нибудь отважившись, она действует абсолютно безрассудно, ее не остановить.

– Звучит весьма ужасно, – съязвила Адель. – Я сама не героической породы, и такой тип постигаю только в книжках. Подобная личность кажется не вполне реальной в реальной жизни, но это, наверное, ничего. Я не сомневаюсь, что Хелен храбра.

Затем Мейбл описала замечательную способность Хелен переносить боль. Однажды

Хелен упала со стога сена и сломала руку. Когда вернулась домой, отец так разозлился, что поначалу отказывался показать ее врачу, но Хелен ни словом не посетовала.

– Она никогда не морщится и не жалуется, как бы ни было больно, – заключила Мейбл.

– Да, в это я верю, – задумчиво ответила Адель.

В рассказе Мейбл явно сквозил взгляд на Хелен как на собственность, и Адель это сильно раздражало. Она решила, что Мейбл имеет на это право, но сия мысль мало ее утешила.

51

Продолжалась зима, и Адель нередко ездила в Нью-Йорк. Некоторое время она всегда уделяла Хелен. По какой-то неопределенной причине их встречи были окутаны завесой секретности. Казалось, таким образом они подчеркивали свое намерение строить отношения только вдвоем. В понимании Адели необходимость такой секретности возникала, только когда они были вместе. Она не считала себя обязанной скрывать эти отношения от друзей.

Они назначали встречи в музеях или парке, иногда разнообразили их, вместе обедая или безостановочно гуляя долгими прямыми улицами. Адель останавливалась у родственников или друзей, и хотя Хелен ничто не мешало заходить в гости, нечто мешало неизменно. Что до дома Хелен, они негласно уговорились не усложнять ситуацию общением с семьей Хелен и продолжали свои беспрятные моционы.

С Хелен Адель в основном увлеченно делилась результатами своих бесконечных размышлений. Она без устали критиковала и проверяла себя и свои идеи.

– Хелен, – однажды сказала она, – раньше у меня было впечатление, что ты весьма говорлива, но, по-видимому, ты – очень молчаливое существо. Почему? Неужели я такая безнадёжная болтушка, что ты постоянно обескуражена, и молчание стало привычкой?

– Нет, – ответила Хелен, – хотя признаюсь, глядя на тебя, подмывает посигналить, но на самом деле я молчалива, когда хорошо знаю человека. Я разговариваю лишь в компании случайных знакомых.

Адель рассмеялась:

– Колорита ради хочется сказать, что в этом отношении я – полная твоя противоположность, но честность вынуждает меня признаться в восхитительном постоянстве. Не знаю, как на степень моей болтливости влияют условия, но, Хелен, почему ты так часто молчишь?

– Ты хорошо знаешь, почему: тебя не интересуют мои идеи, более того, они навевают на тебя скуку. Это всегда очень заметно. Знаешь, – продолжала Хелен горячо, – у тебя нет дара скрывать свои чувства и впечатления.

Адель улыбнулась.

– Да, ты определенно права, в основном твои разговоры навевают скуку, – согласилась она. – Но только потому, что речь идет о вещах, которые на самом деле не интересуют

тебя. Тебя не волнуют общие идеи, ценность искусства, музыкальная композиция, хирургические операции и бог знает что еще, – естественно, твое мнение об этом не интересует меня. Неинтересно разговаривать, если человек рассуждает о том, чего глубоко не прочувствовал. Я знаю, что сама бываю невыразимо скучна, когда высказываю мысли, давно продуманные и потерявшие для меня значение, – цитируя даже себя, нередко теряешь вкус реальности, но ты – у меня неизменно создается впечатление, будто у тебя собственных мыслей вовсе нет. Видимо, надо хорошенько стукнуть тебя, чтобы встряхнуть твои истинные мысли.

Вскоре стало невозможно встречаться как прежде. Становилось холодно, неудобно, и не было смысла продолжать в том же духе, но все-таки ни одна из них не решилась поднять завесу молчания над их отношениями, которую они сами же и опустили.

Как-то раз, обедая в ресторане, обе почувствовали, что ресторан их более не развлекает. Они больше не хотели там оставаться, но снаружи разыгралась малоприятная метель, мокрый снег, темно и мрачно, на улицах слякоть. Внезапно Хелен осенило:

– Давай отправимся к Джейн Фэйрфилд. Ты, разумеется, ее не знаешь, но это неважно. Она странная особа и заинтересует тебя, ты тоже странная и заинтересуешь ее. О! Не хочу слышать твоих возражений. Да, ты странная и интересная, даже если и не подозреваешь

об этом, тебе нравятся странные интересные люди, даже если тебе так не кажется, и вопреки твоим убеждениям ты ни капельки не застенчива, так что пошли.

Адель рассмеялась и согласилась.

54 Они забрели на самый верх высоченного нью-йоркского небоскреба. Дом был один из тех, что составлены из бесконечного числа неотделанных коробок всевозможных размеров, наваленных друг на друга большим прямоугольником с лифтом в центре. Странное впечатление производили такие жилища с голыми деревянными стенами и торчащими гвоздями, и никакая драпировка не смогла бы, кажется, укрыть их откровенную наготу

Джейн отсутствовала, но мальчишка-лифтер доверчиво впустил их, позволив подождать. Они смотрели из окна на город, мрачный, мокрый и белый, протянувшийся до реки, и длинные рельсы надземки создавали удивительную перспективу – казалось, они не исчезают, а лишь бесконечно сливаются.

Наконец, они устроились на диване, решив подождать хозяйку с четверть часа. И за это время в жизни Адели впервые случилось событие, начало коего она не осознала отчетливо. Она оказалась предметом страстных объятий.

Спустя несколько недель Адель снова приехала в Нью-Йорк, и они договорились встретиться в доме Хелен. Все произошло само собой, будто прежде и не бывало возражений. Подумав об этом, Адель рассмеялась.

– Почему мы так не поступали раньше и почему решили сейчас – двойная загадка для меня, – пожалала она плечами. – Велик Аллах, Мохаммед – не Шода (дурак)! хотя смутно подозреваю, что временами так и есть.

Когда же подошло время отправляться на свидание, Адель принялась откладывать, валяясь у приятельницы на диване и умоляя не выпускать ее. Она поняла, что искренняя радость ее и счастливая безмятежность ослабывают. Она почти хотела отказаться – так ужасали ее эмоциональные трудности.

55

– Ах, мир и покой, – простонала она, звоня в дверь Хелен.

В комнате Хелен она обнаружила записку, где говорилось, что, встревожившись, поскольку время встречи прошло, и решив что, возможно, Адель не поняла договоренности, Хелен ушла в музей. Если Адель появится, пу-
скай подождет.

– Скверно с моей стороны было маяться дурью так долго, – сказала Адель мрачно, а затем спокойно принялась за чтение.

– Мне так неудобно, – приветствовала она Хелен, когда та весьма поспешно вбежала в комнату. – Мне не пришло в голову, что ты будешь беспокоиться; я просто время тянула.

Затем обе сели. Вскоре Хелен пересела на подлокотник кресла Адели, обхватила лицо Адели дрожащими ладонями, устремив ей в глаза долгий пристальный взгляд, в котором читался неумолимый вопрос.

– Тебе нечего сказать мне? – наконец спросила она.

– Да нет, нечего, – медленно ответила Адель. На миг она встретила взгляд Хелен, ответила простым дружелюбием и отвернулась.

– Ты весьма великодушна, – с печальным вызовом сказала Хелен. – Ты понимаешь, что где-то в наших отношениях должен быть стыд; поскольку я его лишена, получается, ты щедро берешь весь стыд на себя.

– Нет, я не великодушна, – ответила Адель. – Но сознаю свои недостатки. Мне требуется целая вечность, чтобы прийти к любому решению, и поскольку внимание мое мимолетно, оно не допускает понимания. В этом, несомненно, целиком моя вина. Я часто ввожу людей в заблуждение. Я вселяю ложные надежды. Видишь ли, – продолжала она, вновь мило и дружески глядя на Хелен, – ты еще не поняла, что я разом импульсивна и тугодум.

Время шло, подруги возобновили привычку временами встречаться на публике, но встречи их стали иными. Между ними появилась напряженность, ощущение перемен, неопределенных правил и изменившихся интересов.

Хелен проявляла терпение, но время от времени ударялась в резкую критику. Адель раздражалась, спорила, но в конце всегда искренне, даже чересчур откровенно извинялась за свою несообразительность.

Через некоторое время они снова уговорились свидеться в доме Хелен. Стоял дождливый, слякотный день, Адель зябла и была ко всему безразлична. Сбросив шляпу и пальто и небрежно поздоровавшись, она уселась и задумчиво уставилась на камин.

– Мы с тобой – яркие примеры двух совершенно разных типов, – начала она наконец, не глядя на подругу. – Ты – цветущая англосаксонка. Ты знаешь, чего хочешь, ты берешь и добиваешься своего, не разрываясь днями и ночами между «да» и «нет». Если хочешь воткнуть нож в человека, просто берешь и вонзаешь нож без колебаний и изо всех сил. Ты, вероятно, и убьешь его, но в любом случае вскоре все будет кончено. Меня же до того захватят угрызения совести и раздумья, что я исполосую всю его анатомию, превращу убийство в долгие мучения, и если он по случайности не истечет кровью, я не нанесу ему серьезной травмы. Нет, ты – очень отважный человек, ты страстна, но бесчувственна, способна на великую жертву, но никак не мягкосердечна... И к тому же, тебе так чего-то хочется, что ты берешь и добиваешься своего; мне же это представляется очень странным. Я тоже чего-то хочу, но лишь для того, чтобы понять, и никогда не добиваюсь желаемого. Я безнадежная трусиха, я не рискну навредить себе или еще кому-нибудь. Я хочу лишь бесконечно созерцать, думать и говорить. Знаю, ты возражаешь, потому что веришь в необходимость прочувствовать то, о чем думаешь, и

ты утверждаешь, будто я не даю себе времени отыскать эти чувства. Я признаю справедливость критики и нынче стараюсь, как могу.

Она погрузилась в молчание и сидела, иронически улыбаясь и глядя на огонь. Тишина затянулась, а улыбка превратилась почти в гримасу отвращения. Наконец, она тяжело вздохнула, покачала головой и поднялась.

58

– Ой! Не уходи, – поспешно взмолилась Хелен. Адель ответила:

– Нет, я не ухожу. Просто хочу на книги поглядеть.

Она походила по комнате. Затем остановилась подле Хелен, глядя на нее с мягкой иронией, почти насмешливо.

– Понимаешь ли ты, – начала она своим обычным тоном бесстрастного наблюдателя, – что являешь собой удивительный пример двойственной личности. Одна, которую я знала прежде и не любила, и другая – случайная, мимолетная, совершенно удивительная, чей проблеск я поймала, – никоим образом не связаны между собой. И не потому, что мое мнение о тебе постепенно менялось. Как раз нет. Я всегда представляла тебя целиком – всю из грохочущего смеха, голоса с долей грубоватой жестокости и вызывающе черствых взглядов, и все это вместе – ты; но есть и другой твой образ, исполненный чистоты и силы чувств, пред которыми я благоговею, кротости голоса и мягкости манер, и беспредельно чуткого терпения, которое совершенно покоряет меня. Вопрос же в том, какая ты на самом деле, поскольку две эти личности никак

не связаны меж собой. Возможно, когда я по-настоящему узнаю тебя, все сольется в единое целое, но сейчас я вижу одно либо другое и понятия не имею, какая ты реальная. Тебя слишком много.

Она пожала плечами, развела в бессилье руками и опять уселась перед огнем. Наконец, поднялась и вдруг заметила, что Хелен мучительно дрожит. Все колебания Адели уступили место мгновенному и пылкому сочувствию к бедному созданию, которому явно больно. Адель обняла ее и с чисто материнской нежностью прижала к себе. Хелен дала волю чувствам:

– Я пыталась выносить твои эксперименты, но ты не ведала жалости. Ты не успокаивалась, пока не иссечешь, не обнажишь каждый мой нерв, и это невыносимо, просто невыносимо. Временами нужно предоставлять своим подопытным передышку, даже в пылу опыта, – без всякой горечи прибавила она.

– Боже мой! – вскричала ошарашенная Адель, – ты думала, я нарочно вынуждала тебя страдать, чтобы изучать твою реакцию? Небо и земля, за кого ты меня принимала?! Думаешь, я хоть на миг заподозрила, что ты страдаешь? Нет! Нет! Это все моя проклятая привычка заниматься только своими мыслями, и к тому же я ни секунды не верила, что дорога тебе, при всей своей самонадеянности я никогда в это не верила. Хелен, как ты могла иметь со мной дело, если считала, что я способна на такую беспричинную жестокость?

– Не знаю, – ответила она. – Я считала, тебе следует поступать, как тебе хочется и интересно, а я постараюсь выдерживать, сколько смогу.

– Ой-ой, – простонала Адель, полная покаянного сочувствия. – Надеюсь, дорогая, ты веришь, что я не подозревала о твоём страдании и грубость моя не намеренная, а следствие невежества.

60

– Да, да, я знаю, – прошептала Хелен, прильнув к ней, затем продолжила: – Ты для меня значишь столь много, несмотря на твой закоренелый эгоизм, ты единственная, с кем я когда-либо сближалась так тесно и кого продолжаю уважать.

– Вера, – горестно сказала Адель. – Не понимаю, откуда. Я едва выносива и в лучшем-то своём виде. Полно других людей, просто тебе пока не везло, вот и все, и потом, знаешь, ты всегда отгораживаешься губительной иллюзией, будто сможешь выстоять в одиночку. – И она пропела с мягкой иронией: – Мощный Квазинд¹ был могучим, но даже если ты непобедим, одиночество – едва ли крупный успех.

---

¹ Цитата из поэмы американского поэта Генри Уодсворта Лонгфелло «Песнь о Гайавате» (*The Song of Hiawatha*, 1855), пер. И. Бунина

Зимой Хелен то и дело проводила по несколько дней с Мейбл Нит в Балтиморе. Адель в таких случаях почти всегда была с ними. Внешне отношения выглядели так же, как на корабле. Однако Мейбл по возможности не оставляла их наедине – только это и свидетельствовало, что она сознает перемены.

Негласно подразумевалось, что Адель и Хелен не должны подавать друг другу знаки. Приближалось время отплытия Адели в Европу, на сей раз надолго, напряжение этого добровольно наложенного на себя запрета стала невыносимо, и они так же негласно перестали его соблюдать.

За несколько недель до отъезда Адель, как обычно, чаевничала у Мейбл.

– Тебе никогда не приходилось встречаться с мистером и миссис Т., да? – ни с того ни с сего спросила Мейбл. Они вообще-то не избегали упоминаний о Хелен, но и не говорили о ней без нужды.

– Нет, – ответила Адель, – не хочу. Мне не по вкусу формальная корректность; к тому

же, мне известно, что я принадлежу к числу друзей Хелен, которых они не одобряют.

– Тебя вряд ли обременит их корректность, они не берут за правило быть любезными.

– Тебе так неприятно там бывать? Вряд ли ты стараешься захаживать туда часто.

62 – Иногда мне кажется, что я не выдержу, но в таком случае Хелен уедет от них и, боюсь, пожалеет, а я не хочу, чтоб она так поступила. Стоит мне только сказать слово, и она тут же от них уедет, хотя временами мне кажется, что она уедет так или иначе. Однажды решившись, она не передумает. Разумеется, я об этом говорю только тебе.

– Вполне верю, – сухо заметила Адель. – Не желаешь ли еще что-нибудь поведать, раз уж я – это я. Если желаешь, выкладывай, я тебе не помешаю.

– Я никогда не рассказывала тебе о наших прежних отношениях, – продолжала Мейбл. – Я нравилась Хелен задолго до того, как сама узнала. Мы в колледже часто проводили время вместе, она то и дело надолго уезжала за город, и лишь гораздо позже я обнаружила причину. Ты же знаешь, Хелен очень скрытная. Ты и не представляешь, какая она замечательная. В последнее время она меня беспокоит, не хватает еще, чтобы она ради меня оставила родительский дом – мне очень неловко, когда мы с ней вместе проводим месяц летом.

– В таком случае, почему бы тебе не принести благородную жертву – держаться от

нее подальше. Очевидно, героизм Хелен довольно велик и выдержит такое суровое испытание. – Собственная вульгарность немало порадовала Адель.

Мейбл восприняла ее слова буквально.

– Ты и в самом деле так советуешь? – спросила она.

– Ну да, – сказала Адель. – Нет ничего душеполезнее, чем добровольные периоды воздержания.

63

– Ладно, я подумаю, – ответила Мейбл. – Как хорошо, что ты все понимаешь и с тобой можно говорить прямо.

– А вот тут ты неправа, – решительно возразила Адель. – Я ничего не понимаю. Но, вообще говоря, все это меня не касается. Прощай. – И она ушла.

Дома на столе ее ожидало письмо от Хелен. Читать его не было никакого желания. Адель отложила письмо подальше. «Меня совершенно не касается, несвободна ли она и если да, то каким образом, – сказала она себе. – Договориться со своей совестью – ее забота. Меня интересует лишь то, что происходит между нами. Я ничем не обязана Мейбл». – И она решительно все это отбросила.

Мейбл, однако, вернулась к разговору. При первой же возможности она опять попросила у Адели совета.

– О, пропади оно пропадом – выругалась Адель. – Да что я знаю? Ничего я не понимаю в вашем союзе.

– В самом деле? – Мейбл взаправду изумилась.

– Да, в самом деле, – решительно отрезала Адель, и этот вопрос закрыли.

64 Адель угрюмо рассуждала сама с собой: «Однажды у меня хватило силы воли выбросить все из головы, но на сей раз, по видимому, мне это не удастся. Нет смысла упираться – мне отчаянно хочется выяснить и хватает ума понимать, что единственный приличный способ избавиться от этого мучительного желания – спросить у Хелен. Но мне крайне неприятно так поступать. Почему? Очевидно, ее признание в их связи причинит мне боль. Было бы куда приятнее, если бы мне об этом поведала Мейбл, но весьма недостойно с моей стороны ее расспрашивать. Хелен права, не так-то легко по-настоящему любить людей. А я, кажется, очень глубоко завязла, – и она улыбнулась про себя, – поскольку теперь я не боюсь треволнений и переживаний. Интересно, может, я начинаю влюбляться?» – И она погрузилась в грезы.

Отныне в комнате Мейбл неизменно витал незаданный вопрос. В одиночестве Адель легко могла от него отмахнуться, но он окутывал Мейбл, точно одеяние, однако обе они молчали.

Вскоре Адель получила письмо от Хелен – та интересовалась, почему Адель ей не пишет, не причиной ли тому утрата веры. Адель поначалу никак не могла ответить, но в итоге набросала записку, двусмысленную и недобрую.

Напряженность прорвалась.

– Скажешь мне наконец? – решительно спросила Адель однажды вечером. Мейбл не стала изображать непонимание, но попыталась оттянуть ответ. – Ладно, коль тебе охота доиграть этот фарс с отказами и требованиями – будь любезна, – вспыхнула Адель. – Но предположим, что этот этап уже завершен, и я снова прошу мне все рассказать. – Горячность и прямота Адели привели Мейбл в смятение, и она засуетилась, словно надеясь сбежать. – Брось свою мудреную деликатность, – сурово произнесла Адель. – Ты хотела рассказать – ну так говори сейчас.

65

Мейбл смирилась. Она села и все объяснила.

Комната разрасталась и становилась зловещей, а фигура Адели, полной невероятного отвращения, казалась Мейбл почти ужасной. Наступила долгая тишина, ревушая, угрожающая, и Мейбл охватил страх.

– Спокойной ночи, – сказала Адель и ушла.

Она все-таки научилась не думать. Дома она долгое время лежала неподвижно. Потом села за письменный стол.

– Должно быть, я и впрямь серьезно люблю Хелен. Но, боже мой, – простонала она, и боль ее была мучительна. Наконец она пришла в себя. – Бедная Мейбл, у меня в сердце, пожалуй, даже найдется местечко для сострадания. Я, должно быть, ее напугала.

В последующие встречи ничего сказано не было. Затем Мейбл вернулась к прежнему разговору:

– Адель, я думала, ты знаешь, иначе я бы промолчала, но стоило мне однажды упомянуть, и ты заставила меня все рассказать.

– Верно, заставила, – охотно согласилась Адель. Эта Мейбл так банальна.

– И к тому же, знаешь, – продолжала Мейбл, – я бы ни слова не сказала, если бы ты мне не нравилась.

66 Адель рассмеялась:

– Замечательно, сколько преданности ко мне скопилось во вселенной; но что подумает Хелен о последствиях твоей преданности?

– Это-то меня и беспокоит, – призналась Мейбл. – Я должна сказать ей о нашем разговоре и, боюсь, ей не понравится.

– Подозреваю, что нет, – и Адель снова рассмеялась, – но нет ничего лучше, чем воспользоваться шансом, пока смелость не улетучилась. Хелен приедет на следующей неделе, и тебе представится возможность, но на сегодня, я считаю, сказано достаточно. – И она решительно закрыла эту тему.

Обида и злость не давали Адели написать Хелен, но даже несмотря на сильное отторжение, она сознавала, что все еще верит в ту, другую Хелен, которую однажды сама ей описывала. Невзирая на все свидетельства, она была убеждена, что здесь есть нечто настоящее, нечто такое, чем она восхищалась вопреки себе.

Она пережила болезненную неделю, разрываясь между отвращением и уважением. За два дня до приезда Хелен прислала восточ-

ку. «Боюсь, я больше не смогу это вынести, – писала Хелен. – Веря, что ты научишься преодолевать свое мелочное самодовольство, я готова была претерпеть что угодно, но теперь ты ведешь себя как невежественная толпа. Ты безжалостно топчешь все, что попадает тебе под ноги, тебе неважно, что ты убиваешь нечто ценное, и все, что ты варварски разрушаешь, тебя не трогает и не касается. Я же – как Диоген в поисках нравственного человека; я так хочу найти личность, которую смогла бы уважать, но никто не заслуживает ничего, кроме презрения. Ты старалась. Прости».

67

Поначалу Аделью безраздельно завладела злость, но затем злость сменилась глубоким состраданием к Хелен. Адель представила, как, вероятно, Хелен мучается, и тут же села за ответ. «А вдруг и в самом деле я ее больше не интересую, – подумала она и замялась. – Ладно, это не важно – во всяком случае, я сделаю, что должна».

«Мне нечем защищаться, – написала она, – за исключением того, что, несмотря на все мои фокусы, во мне неуклонно растут уважение и преданность тебе. Я не удивляюсь твоей горечи, но выводы твои не оправданы. Трудно ожидать, что такая переоценка ценностей, столь полное отступление от привычных убеждений, которые я пережила в последнее время, вовсе обошлись без отторжения. Я полностью признаю, что ты была крайне терпеливой, но и ты признай: я делала все, что могла, и вопреки твоим словам, все, что я

могла, отнюдь не было ничтожным. А потому не говори ерунды – какая толпа? Если в сложившейся ситуации тебе не хватает стойкости и терпения, признай же это, и покончим со всей историей; в противном случае я постараюсь приспособиться».

68 Адель знала, что Хелен получит письмо, но не успеет ответить, поскольку следующим вечером уже приедет в Балтимор. Вся троица собиралась встретиться в опере лишь вечером, а потому Адель целый день проведет в неведении относительно чувств Хелен. Весь этот день она собирала силы, готовя себя к тому, что Хелен все еще ее презирает. Такова была ее всегдашняя привычка: настраивать себя на худший возможный исход и покориться ему заранее. Она никак не могла довольствоваться простой мыслью о том, что худшее возможно, и, признавая это, все-таки ожидать лучшего; она вновь и вновь воображала худшее, пока не научалась его переносить. Она поступала так, поскольку вечно сомневалась в своей смелости и не доверяла своей способности справиться с трудностями, если заранее себя к ним не подготовит.

Весь день сражалась она, чтобы внушить себе смирение, и невероятные усилия, затраченные при этом, со всей ясностью убедили ее, как дорога ей привязанность Хелен.

Адель приехала в оперу, когда уже поднялся занавес. Она знала, что в глубоком волнении лицо выдаст ее, и предпочла, чтобы обмен приветствиями произошел в тем-

ноте. Она тихонько село в кресло. Хелен наклонилась через Мейбл и поздоровалась. В ее приветствии не было ничего особенного, и Адель, ощутив удручающее разочарование, поняла, что на самом деле была совершенно не готова к такому повороту событий. Сейчас, когда возникла настоящая необходимость, ей опять пришлось сражаться с собой, и лишь к концу акта она внушила себе смирение. Во всяком случае, она подготовилась достаточно, чтобы спокойно развлекать Мейбл дискуссией о тонкостях музыки и драки с поножовщиной. Она делала вид, что не замечает Хелен, – это было сравнительно просто, поскольку Мейбл сидела между ними.

В тот вечер «Кармен» оказалась самым длинным и самым коротким представлением, какое Адель когда-либо посещала. Коротким – потому что финал приближал безнадежную реальность. Длинным – потому что затягивалась тревога неопределенности.

Но вот опера завершилась – «наконец-то» или «уже», Адель не знала, как точнее описать свое состояние. К тому времени, когда они добрались до квартиры Мейбл, Адель уверилась, что ее отношениям с Хелен пришел конец.

– Ты какая-то усталая, в чем дело? – спросила ее Мейбл.

– Ну, – объяснила она, – надо было много упаковать, все устроить, попрощаться, напоследок со всеми пообедать и поужинать. Как я возненавидела запеченный шэд, сейчас как

раз сезон, я три дня подряд ела его на обед и на ужин; неудивительно, что выгляжу измученной. До свиданья, нет, не надо меня провожать. Вот, Хелен уже спускается оказать мне честь. Пока, увидимся завтра.

70 Мейбл вернулась к себе в комнату, а Хелен затерялась в темноте холла. Адель медленно спускалась по лестнице, уговаривая себя сдерживаться.

– Можешь ли ты простить меня? – и Хелен прижала ее к себе.

– Мне не за что тебя прощать, если я по-прежнему тебе дорога, – ответила Адель. Долгое время обе молчали. – Когда все утрясется, мы сможем с полным правом считать нашу дружбу заслуженной, – наконец вымолвила Адель.

– Ну, что ж, до свиданья, – произнесла Мейбл, когда на следующий день Адель отправлялась в длительное путешествие. – И вот еще что. Прежде чем ты уедешь, хочу тебя успокоить: все в порядке. Хелен поначалу разозлилась, но сейчас все уладилось. Ты же побудешь в Нью-Йорке несколько дней перед отплытием. Уезжаешь ведь не на весь год, возвращайся к нам поскорее. Я обдумаю твой совет, – заключила Мейбл. – Твое мнение мне особенно важно.

– Разумеется, – ответила Адель, а сама подумала: «Она что, за дуру меня принимает?»

Накануне отъезда Адель провела вечер в комнате Хелен. Они очень долго оставались наедине. Адель сидела на полу, положив голову Хелен на колени. Взглянув на подругу, Адель не без усилия нарушила тишину:

– Прежде, чем я уеду, хочу сама сказать то, что полагаю, ты уже знаешь: Мейбл рассказала мне о ваших отношениях.

Хелен уронила руки:

– Нет, я не знала. – Она застыла.

– Значит, Мейбл тебе не сказала? – спросила Адель.

– Нет, – ответила Хелен. Наступила тягостная тишина. – Не будь ты законченной эгоисткой, воздержалась бы и пощадила меня, – сказала Хелен.

Адель едва расслышала слова, но настроение Хелен внушало ей трепет. Наконец она собралась с духом и заговорила не спеша, но решительно:

– Я не признаю, что была неправа, желая все узнать. Можно в приступе донкихотского благородства отказать себе в этой возможности, но я как разумное существо полагаю, что имею право знать. Я хорошо понимаю, что зря спросила Мейбл, а не тебя. Признаюсь, я струсилась, побоялась тебя спросить.

Хелен резко рассмеялась:

– И напрасно, я все равно ничего бы тебе не сказала.

– По-моему, ты неправа. Я совершенно уверена, что ты все рассказала бы, но я боялась причинить боль себе, да и тебе, навер-

ное, тоже; не знаю. Повторяю, я не считаю, что вела себя неправильно, желая все узнать.

Обе упорно молчали. Что происходит, когда неодолимая сила натывается на несдвигаемый предмет? Ничего. Тень долгой схватки, неизбежной в силу различия натур, мрачно витала над ними. Инцидент, как бы он ни разрешился, был только началом. Все происходившее до сих пор – вступлением. Обе разошлись по своим крепостям.

Тишина не была гнетущей, но продолжалась долго.

– Я очень люблю тебя, Адель, – не выдержала Хелен и крепко обняла подругу.

Прошел час, прежде чем Адель глубоко, решительно вздохнула:

– Какие глупцы эти поэты, что называют расставание сладкой мукой. Хотя оно и не навсегда, я не нахожу в ней и частицы улады, ни малейшей крупинки. Хелен, мне абсолютно не нравится идея покидать тебя.

– И мне! – воскликнула Хелен. – Ты уезжаешь, и я словно прощаюсь с родителями, братьями, сестрами, ребенком – со всем на свете. Нет, дорогая, ты абсолютно права: в расставании нет ничего приятного.

– Тогда почему же об этом пишут в книгах? – с угрюмым раздражением спросила Адель. – Ах боже мой, зато какое утешение удостовериться в их неправоте. Вот тебе один факт, обнаруженный нами вместе. Милая, мы ведь не огорчаемся, что нам хватает знаний выяснить это самостоятельно, не так ли?

– Да, – подтвердила Хелен, – мы не огорчаемся.

Уже на пароходе Адель получила прощальную записку от Мейбл, в которой та в очередной раз объяснила, что лишь из глубочайшего уважения к Адели сочла возможным рассказать то, что она рассказала. Адель вышла из себя: «Я готова сражаться с Мейбл любым оружием, тайно или явно, при свете дня или в темноте, в помещении или на улице, но против такого метода протестую. Она бесспорно поступила так с умыслом, пусть даже игра не привела к успеху. Я не виню ее в том, что она играла, слабый использует то оружие, которое ему по силам, но я никоим образом не обязана терпеть эту лицемерную привязанность. В сложившихся обстоятельствах я не могу быть прямолинейной, но не стану излишне финтить. Я все объясню ей, но усложню в той самой манере, которую она так обожает».

«Моя дорогая Мейбл, – написала она. – Или ты бестолковее, чем я хотела бы думать, или ты преувеличиваешь мою добродушную глупость. Если верно первое предположение, тебе нечего сказать, и мне нет нужды высказываться. Если же верно второе, чтобы ты ни сказала, не имеет для меня никакого веса и потому опять-таки тебе и говорить ничего не надо. Если же ты не поймешь, о чем я толкую, тогда я толкую пустое, остальное неважно; если же ты понимаешь, тогда все уже сказано».

Мейбл не отвечала несколько месяцев, а затем опять возобновила дружественные письма.

74

Тем летом Адель поражалась, что всего лишь год назад казалась себе такой понятной, а мораль сводилась к простейшим формулам. В те долгие итальянские дни, наполненные бездельем, она этих вопросов не касалась. Она осознавала, что теперь ее моральное и психическое состояние заметно усложнилось, и сложность эта постоянно волновала ее. Потребуется много времени и усилий, чтобы все наладилось. Рано или поздно ей удастся все понять; быть может, по прошествии времени все даже снова упростится, но пока на это было мало надежды.

Она целиком и без обиняков изливала душу Хелен в пылкой переписке. Поначалу у нее были кое-какие сомнения. Она знала, что Хелен и Мейбл большую часть лета проведут вместе, и опасалась, что количество и содержание писем, дознайся о них Мейбл, доставят Хелен немало огорчений. Долгое время колебалась она, не намекнуть ли подруге, – пусть та сама решит, целесообразно ли осторожничать.

Было много причин об этом не говорить. Не только Хелен – Адель и сама все еще не была уверена в твердости собственных чувств. Она пока не доверяла себе и боялась, что все повторится.

«В конце концов, – решила Адель, – это проблема Хелен, а не моя. Я решила следо-

вать за ней, пусть даже хитроумным и потайным путем, но не уверена, что должна ее предупредить. Она знает Мейбл не хуже, чем я. Возможно, она и не расстроится, если все выплывет наружу».

Она припомнила, с какой неохотой Хелен принимала меры предосторожности и прямолинейно оговаривала условия. Казалось, она всегда в согласии с совестью и избегает переживаний из-за проступков, попросту не позволяя себе ожидать затруднений. Когда же затруднения возникали, необходимость прибегать к любому обману, лишь бы выкрутиться, поднимала такую бурю действий, что совесть опускалась на самое дно. Адель еще не понимала этого свойства подруги полностью, но смутно сознавала, что Хелен захлопнет разум перед любым прямолинейным описанием вероятностей, предостерегаться не станет и так избежит угрызений. Таким образом она защищается от собственной совести.

75

Адель сознавала все это туманно, четко не формулировала, но это помогло ей удержаться и не высказываться в письмах к Хелен напрямик.

Сама она не могла отмахнуться от голоса совести, просто вынуждена была признать изменение важнейших моральных принципов. Она знала, что делает, представляла, чем это грозит и как справляться с новыми обстоятельствами.

Она признала, что ее собственная защита покоится на том простом факте, что игра сто-

ит свеч. «В конце концов, – заключила она, – есть и самая важная причина смолчать. Если переписка прекратится, я буду печальна и одинока. Я попросту не хочу прерывать ее и потому не прерву».

76

Оживленная, жаркая переписка длилась несколько месяцев. Потом на три недели наступило молчание, ни слова от Хелен, затем простое дружеское письмо и опять длительное молчание.

Уже в Англии, растянувшись под солнцем на зеленых ее холмах, Адель день за днем рассуждала сама с собой. Вроде никаких дурных предчувствий, но она оставалась глубоко несчастна. То было несчастье одиночества, а не сомнений. Она спасалась от безмерных страданий, лишь наслаждаясь загородным пейзажем, таким зеленым и чудесным, да голубым небом. Боль страстного желания была труднопереносимой. Снова и снова зарывалась она лицом в прохладную траву, чтобы ощутить прилив жизненной силы в моменты мрачного отчаяния.

«Возможностей много, но для меня вероятность только одна, – сказала она себе. – Хотя у меня оптимистический характер, я недоверчива, но перед лицом всех фактов я убеждена, что Хелен не изменилась. Несомненно, случились затруднения. К Мейбл попали некоторые письма, отсюда и неприятности. Толком не могу упрекнуть Мейбл. Установить, кому из трех доказывать свою правоту в скандале, будет трудно».

Время шло, касательно Хелен сомнений не возникало, но Адель беспокоила собственная ответственность. Она колебалась, какую позицию следует занимать.

«В отношении Мейбл признаюсь честно: она меня просто не интересует. Я ничем ей не обязана. Она хотела общаться, когда ей было приятно, и тут мы квиты. Она ввязалась в схватку и должна быть готова к ее исходу. Мы никогда не были близки, никогда не доверяли друг другу, и тут никто никого не предал. Она бы не выказала мне милосердия, и я поступлю так же; к тому же, она все равно неправильно его воспримет. Странно, как меняется мораль и темперамент, когда чего-то отчаянно хочется. Вот и я, обычно мягкосердечная и добродушная, всегда уступающая пальму первенства другим, становлюсь хладнокровной и безжалостной. Прелестна мораль, которой мы придерживаемся даже в серьезных делах, которые нас глубоко не касаются, она так восхитительно благородна и великодушна. – Она вздохнула, а затем рассмеялась: – Ну что ж, надеюсь, однажды я найду мораль, способную выдержать огонь, воду и медные трубы истинного желания, и заменю эту приятную и удобную, которую потеряла; однако мораль или не мораль, факт остается фактом: относительно Мейбл я не раскаиваюсь... Хелен – другое дело. Я, несомненно, обязана ей многим, но как отплатить, еще предстоит выяснить, хоть это и трудно. Не стоит упускать из виду, что Хелен для меня никогда не будет

на первом месте, как для Мейбл, потому что у меня есть и иные, более важные обязательства. У меня нет ни желания, ни силы воли, чтобы занять место Мейбл, и потому, я считаю, у меня нет права между ними встретаться. С другой стороны, морально и психологически Хелен нуждается в надежном друге, и я считаю себя таковым, невзирая ни на что. Когда-нибудь, если мы продолжим, ей поневоле придется выбирать между нами, и что же я смогу предложить? Ничего, кроме возвышающего влияния... Ха, что за прок от возвышающего влияния, если оно не обеспечивает хлеб с маслом. Нужно иметь в виду, что, учитывая ее сомнительные отношения с семьей, ей пригодится масло, если и не хлеб. Мейбл может и будет ее снабжать, а я не могу и не буду. Увы мне – что за влияние, если оно без масла, я так скажу. Что я вообще за низкое существо! Но у меня случаются яркие проблески веры, и в такие минуты я убеждена, что стою и масла, и хлеба. Вероятно, Хелен также находит их приятнее. Итак, я изложу ей все и повинуюсь ее решению».

Она отправила письмо таким образом, чтобы оно застало Хелен дома одну. «Теперь могу сказать тебе то, – написала она, – что не сочла возможным сказать в начале лета. Сейчас я убеждена, да и ты тоже, что мои чувства к тебе искренни, я предана тебе, и какие бы трудности ни сулило нам будущее, сейчас мы, по крайней мере, достигли понимания и доверия. Поэтому я уверена, что ты поймешь

меня правильно: умоляю тебя тщательно обдумать, не лучше ли тебе, в конечном счете, оставить меня. Я так мало могу привнести в твою жизнь и неизбежно доставлю много неприятностей. Я страшно боюсь, что ты откажешься от меня, и этого не отрицаю, но еще больше я боюсь стать для тебя источником постоянного раздражения. Поверь, эти слова искренни и их следует принимать буквально».

79

«Тихо, малышка, – ответила Хелен. – Глупое дитя, разве ты не понимаешь, что для меня ты – единственное, что оправдывает и придает ценность этому миру? Лето было чудовищное. Мейбл прочла мое письмо к тебе и совсем расстроилась. Сказала, что нашла его случайно, но трудно в это поверить. Она спросила, нравлюсь ли я тебе, и я ответила, что не знаю; и я действительно не знаю, дорогая. Она не спрашивала, нравишься ли ты мне. Вся история ужасно расстроила ее, она ревновала меня к каждому слову, мне не выпадало минуты хотя бы мысленно остаться с тобой наедине. Но, пожалуйста, пожалуйста, не говори больше, что я могу от тебя отказаться. Ты не доставляешь мне никаких неприятностей, только не покидай меня. С Мейбл все обговорено, она обещает никогда больше не ревновать».

– О боже! – простонала Адель. – В таком случае Мейбл окажется безнадежной дурой. Как бы там ни было, я обещала повиноваться решению Хелен, так я, безусловно, и посту-

плю, но как гордая женщина может позволить так командовать собой, – это выше моего понимания.

Книга 3

Хелен

В человеческой душе не найти чувства сильнее и естественнее, чем привязанность к родной стране. Часто говорят о тоске по дому, будто она в своей острой форме характерна лишь для швейцарских альпинистов, скандинавов, французов и других наций, овеванных поэзией, но в данном случае поэтическое начало ни при чем. Это просто жизненная потребность в особом воздухе родины, будь то отработанная атмосфера Лондона, чистый холодный воздух Америки или разреженный воздух швейцарских гор. Наступает время, когда нет в мире ничего важнее глотка своего собственного, особого климата. На возвращение потратишь даже последний цент.

Американец в зимнем тумане Лондона может ощутить это страстное желание, эту отчаянную потребность во всей полноте. Тяжелый туман, задымленный воздух, небо, ни на миг не обещающее чистую голубую даль, что ежедневно, привычно составляет компанию американцам, сумрачное солнце, луна и звезды, будто нарисованные на потолке прокурен-

ной комнаты, сырые, унылые, убогие улицы, женщины с замызганными, обтрепавшимися юбками, с опухшими, прыщавыми лицами, в которые въелась грязь, ставшая естественным оттенком их безобразной кожи, – все это давит с каждым днем отчаяннее.

84 Неуступчивый дух сопротивляется. Надеется, что скоро станет лучше, вечно так длиться не может – сегодня к вечеру, завтра этот мертвецки давящий вес исчезнет, повеет свежим воздухом, – но проходят дни, и туман, дым, неприветливые людские толпы ложатся тяжким бременем на голову, спину, нет возможности выпрямиться и тащить эту ношу сознательно, все превращается в одно нескончаемое и тоскливое испытание на выносливость.

Едва избежав этого испытания, Адель стояла в салоне океанского лайнера, вглядываясь в запорошенный белым снегом контур нью-йоркской гавани. Рядом пристроилась маленькая девчушка из семьи, тоже ускользнувшей из Англии после полугодового испытания. Они обе прижимались лицами к окну. Мимо прошел пограничный корабль с развевающимся флагом. Девочка долго всматривалась в него, затем медленно и с нажимом произнесла сама себе:

– Вон американский флаг, он выглядит хорошо.

Адель вторила ей, впереди лежала Америка, и все действительно выглядело хорошо:

ясное небо, и белый снег, и прямые, простые, неприязнательные здания в холодном и сверкающем воздухе, без подтеков и пятен.

Возвратилась Адель неожиданно, и на берегу ее никто не встречал.

– Нет, не чтобы увидеть тебя, несмотря на то, что мне ужасно хотелось, – гораздо позднее объясняла она Хелен. – Просто вернулась в Америку. Я оказалась на берегу одна, не успела известить друзей о моем прибытии, да особо и не спешила к ним, хотя очень хотела их видеть. Я просто любовалась улицами Нью-Йорка, высокими, тонкими опорами надземки, прямыми, огромными, безыскусными домами, радовалась прозрачному воздуху над головой и белой снежной пелене. Такая радость – увидеть, что все вокруг без головоломок и сложностей, ясное, и очевидное, и простое, и крепкое, и белое, и высокое. Я тосковала по тебе, но остерегалась: ты для меня – раздувшийся до неимоверности сложный мир, трудный, требующий понимания, и я хотела на время всего этого избежать; хотелось только очевидной, земной, ясной простоты.

Следуя этому зову, Адель, проведя неделю в Нью-Йорке, поехала в Бостон. Там она погрузилась в самую суть истинного американизма. Днями бесцельно бродила она по бостонским улицам, восхищаясь бесстрастной смышленостью лиц, с удовольствием каталась в трамваях, сливаясь с толпой пассажиров, всегда готовых поговорить, свободно поболтать и

слегка пошутить без злого умысла, – в этой атмосфере не было и намека на подвох.

86 То была чистота, коренившаяся в самой сути этих людей, постоянно омываемая потоками незамутненной холодной воды. Возможно, тем самым смывались пятна, потребные для более глубокого понимания; возможно, все было не так приземленно, как хотелось бы, но то был сладостный глоток для горла, задыхавшегося от копоти и тумана.

Целый месяц Адель купалась в этой чистоте, а затем вернулась в Нью-Йорк, готовая окунуться в мир куда сложнее.

Некоторое время между Хелен и Адель наблюдалось определенное отчуждение. Длительное и добровольное отсутствие подруги сильно обидело Хелен, а Адель сама еще не разобралась в своих мотивах и не могла их толком объяснить. Она лишь подозревала, что боится вновь подле Хелен лишиться самоконтроля.

Постепенно это ощущение ушло. Много времени проводя в комнате Хелен, Адель теперь тоже погружалась в близость без слов. Прежде она боялась Хелен, боялась себя, но постепенно все страхи угасли, и она полностью предалась радости просто быть вместе.

Однажды обе пришли к заключению, что достигли почти полного счастья.

– Да, думаю все в порядке, – с ласковым смехом сказала Адель, – а когда все в порядке, это прекрасно. Разве я не многообещающий ученик? – спросила она.

– Такой замечательный учитель, как я, заслуживает лучшего, – ответила Хелен.

– О, о! – вскричала Адель. – Мне раньше и в голову не приходило, но по сравнению с тобой я – образец скромности. Встреча с настоящей самоуверенностью вынуждает признать свою скрытую до поры добродетель.

И они опять затерялись в мире счастья.

Это было самое настоящее забвение. Адель пробудилась от поцелуя, который, казалось, подступил к самым стенам целомудрия. Она поспешно отстранилась, охваченная внутренней борьбой и отторжением. Не обращая внимания на Хелен, она лежала, закрыв лицо руками. «Я не могла и вообразить, что, несмотря на все случившееся, я по-прежнему такая девственная душа, – сказала она себе, – и, как Парсифаля¹, поцелуй наделит меня безумием постижения». И она захлебнулась в накатившем приливе яростного отвращения.

Надолго впала она в новое забытье. Наконец, повернулась. Хелен лежала очень тихо, но горькие слезы покрывали ее лицо. Адель, как обычно, повинуюсь своему раскаянию, попыталась ее успокоить.

---

1 Парсифаль (Персеваль) – рыцарь Круглого стола, герой одноименной оперы (1882) Рихарда Вагнера. Дева Кундри целует Парсифаля, якобы передавая ему поцелуй от его матери Херцелойды, но поцелуй этот пробуждает в наивном простаке Парсифале понимание и сострадание, он отвергает Кундри и постигает, как ему надлежит дальше поступить.

– Прости меня! – сказала она. – Не знаю, что на меня нашло. Нет, ты ничего плохого не сделала, это все моя вина.

– А мы были так счастливы, – сказала Хелен. После долгой паузы она спросила: – Вернулось прежнее недоверие ко мне?

– Да, – коротко ответила Адель.

88 – Боюсь, я не смогу этого простить, – сказала Хелен.

– Я так и думала, – ответила Адель.

Они продолжали встречаться, но каждая боролась с собой. Наконец, Адель вновь затронула прежнюю тему.

– Понимаешь, – объясняла она, – беда моя в том, что я никак не возьму в толк, отчего сопротивляюсь, – мораль меня подталкивает или бессмысленный инстинкт. Я всегда была убеждена: сколько ни рассуждай, невозможно решить, что такое хорошо и как следует поступать. Если не исходить из некоего понятия о долге, дозволено все, и нет правила, определяющего, что хорошо, а что плохо. Либо человек руководствуется некими принципами, либо доверяет инстинктам, либо следует общепринятому мнению... Так вот, у меня нет принципов и я не могу следовать общепринятому мнению, как бы мне ни хотелось. Что же до моих инстинктов, они всегда противились потворству любым страстям. Полагаю, это результат влияния кальвинизма, который доминирует в американском воспитании и подавляет мой природный темперамент. Каким-то образом ты дала мне

почувствовать, что моя позиция была оскорбительна и приземленна, а не нравственна и духовна; но, вопреки твоей науке, мои пуританские инстинкты опять и опять говорят «нет», и в голове у меня ужасная путаница. Я перестаю доверять инстинктам и почти уверилась, что мое сопротивление – отнюдь не высокоморально. Пожалуй, без трусости дело тоже не обошлось. Как бы там ни было, – заключила она, – мораль мне больше не препятствует, и отныне, раз уж я растеряла свои инстинкты, все будет в порядке, и мы можем начать сначала.

– Боюсь, не смогу тебе помочь, – ответила Хелен. – Меня поддерживает лишь то, что, как бы ты ни поступала, как бы ни обижала меня, я, похоже, в тебя верю, невзирая на твоё поведение.

Адель простонала:

– Как я безнадежно запуталась.

Столь острое отторжение не повторялось, но постепенно между ними выросло новое противостояние. Адель поняла, что Хелен требует от нее чувственного отклика, и, как правило, прежде чем Адель бывала к нему готова. У них не совпадал пульс. Адель не могла спешить, а истрепанные нервы Хелен отказывались ждать. Страдания Хелен постоянно давили на Адель. Она зашла дальше, чем почестному могла, потому что оказалась не в силах отказать той, кто отдавал ей все. Это был ложный посыл. Теперь естественные реакции приходилось скрывать – стало очевидно, что

Хелен не в состоянии поддерживать эту борьбу. Прежняя открытость стала невозможной, и Адель перестала свободно проявлять свои чувства.

90 Она понимала, что ее поведение неправильно трактовалось, что Хелен воспринимала ее медлительность как существенный изъян. На самом деле, это было неизбежно в ситуации, когда Адель постоянно торопили. Она страдала, ей было неловко; ее любовь к Хелен росла, и росли раздражение и недовольство.

Однажды вечером они уговорились встретиться в ресторане и поужинать, а затем отправиться к Хелен. Адель опоздала на полчаса и нашла Хелен в состоянии крайнего возбуждения.

– Что случилось, в чем дело? – спросила Адель.

– В чем дело? – повторила Хелен. – Ты заставила меня ждать, а ко мне подошел мужчина, заговорил со мной, и впервые меня так оскорбили.

Адель удивленно уставилась на нее.

– Тоже мне! – воскликнула она. – Чего же ты ожидала, появившись одна вечером. Уж будь готова к последствиям. Мужчины тут в своем праве.

– Их права не подразумевают привилегию оскорблять меня.

Адель с изумлением медленно покачала головой.

– Пойдем ли мы когда-нибудь друг друга? – сказала она. – Происшествие, которое мне, неопытной и трусливой, представляется таким простым и естественным, обстоятельства, с которыми я спокойно сталкиваюсь десятки раз, донельзя расстраивают тебя, тогда как... ладно, не будем углубляться, поешь, и ты повеселеешь.

– Опоздай ты больше, – сказала Хелен по дороге домой, – я бы ушла и слова бы с тобой не сказала, пока не извинишься.

– Подумаешь! – воскликнула Адель. – Я не против извинения, я только не согласна, что была неправа. Ты все равно как героиня из сказок, – продолжала она, – все еще веришь в рыцарство и галантность. Изрекая: «Человек, как ты смеешь!», ты веруешь в высшую силу, что заставит все низшее трепетать. Это помогает, когда другой желает испугаться, но если нет, побеждает сильнейший.

Некоторое время они молча сидели в комнате, и наконец Хелен нарушила молчание:

– Интересно, почему я обречена любить столь безнадежно отсталых.

Адель поглядела на нее с минуту и начала ходить по комнате. Потом вернулась и села – лицо застывшее, окаменелое.

– О, я ничего такого не хотела сказать, – оправдывалась Хелен, – я просто подумала.

Адель не пошевелилась.

– Могла бы проявить терпение, когда я нервничаю или устала, – с раздражением продолжала Хелен, – а не злиться на все, что я несу.

– Я могла бы быть достаточно терпеливой, если бы не верила, что ты это всерьез, – ответила Адель. – Меня не волнует, что ты говоришь, беда в том, что ты веришь в это.

– Но ты сама сто раз это говорила, – пожаловалась Хелен.

– Верно, – подтвердила Адель, – но я имею право так говорить и верить в это, а ты – нет. Если же ты в это веришь, вся история предстает в другом свете. И ситуация становится невыносимой.

Обе замолчали: Хелен – взвинченная и беспокойная, Адель – неподвижная и безмолвная.

– Ой, да забудь об этом! – вскричала Хелен. Очнулась и Адель:

– Все в порядке, не беспокойся. Ты утомилась, лежи, поспи.

Она еще немного побыла с Хелен, затем ушла в другую комнату почитать. Внезапное появление Хелен отвлекло ее от неприятных дум.

– Я видела такой дурной сон, – сказала Хелен. – Мне почудилось, ты разозлилась, бросила меня и никогда не вернешься. Пожалуйста, не уходи, останься со мной.

– Ты меня еще не простила? – спросила Хелен на следующее утро, когда Адель собиралась уходить.

– Не в прощении дело, а в твоих чувствах, – твердо ответила Адель, – Где хоть малейшее свидетельство, что ты не веришь в то, что вчера сказала?

– Я не помню, что сказала, – вывернулась Хелен. – Не видишь разве – я взвинчена, нервничаю, раздражаюсь, а ты все только усложняешь, а затем обвиняешь меня в том, что я сказала, чего не следовало говорить. Ну, возможно, и не следовало.

– Однако ты в это веришь, – упрямо возразила Адель.

– Боже, я не знаю сама, во что верю. Я так издергана и измучена, оставь меня в покое. 93

– Ты не имеешь права постоянно использовать свою боль как оружие, – рывкнула рассерженная Адель.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросила Хелен.

– Что ты давишь на меня своими страданиями и затем обвиняешь во всех грехах. Я готова отвечать за свои проступки, но не собираюсь отвечать за твои.

– А разве не ты виновата? – спросила Хелен. – Я подчинялась и только, а ты поступала, как тебе нравилось. Я готова была вытерпеть всё и терпела, но ничего не сделала, чтобы тебя удержать.

Адель с удивлением уставилась на нее:

– Так вот как ты видишь ситуацию? Тогда дальнейший разговор бесполезен.

Она двинулась к выходу, но у двери в нерешительности остановилась. Хелен уронила голову на руки. Адель вернулась и застыла, глядя на нее упрямо и грустно.

– Господи, я сойду с ума, – простонала Хелен. Адель не двигалась. Одна рука Хелен

упала, Адель опустилась на колени, пылко и страстно обняла Хелен; обе, однако, сознавали, что ни одна не уступила.

94

Они были чересчур влюблены друг в друга, чтобы настаивать на ультиматуме, ибо понимали, что не смогут долго его поддерживать. Вопрос об относительных достоинствах и обязанностях больше открыто не обсуждался. Незаметно, а может, и бессознательно, однако упорно Хелен отныне перекладывала бремя выбора на Адель. Как так получилось, Адель не поняла, но теперь ей всегда приходилось делать первый шаг и просить о следующей встрече. Хелен вела себя как человек, желающий идти навстречу во всем, чему якобы, к сожалению, мешали время и обстоятельства. Адель была уверена, что Хелен не утратила чувств к ней, но намеренно или нет, пользовалась своим преимуществом, поскольку теперь Адель любила ее не меньше.

Поначалу Адель горячилась и раздражалась новому порядку, но решила, что так будет только справедливо. Она покорялась еще сильнее. Во время той размолвки она впервые поняла, как Хелен видит их отношения, и теперь бессонными ночами раздумывала, справедливо ли такое понимание и действительно ли она до такой степени ответственна. Чем дальше, тем безнадежнее она запутывалась и была несчастна.

Однажды ночью, лежа в своей кровати, удрученная и неутешная, она внезапно взорвалась:

– Нет, я не нахалка. Хелен почти убедила меня в этом, но я не такая. Мы обе пошли на это с открытыми глазами – и Хелен все понимала не хуже меня. Я никогда нарочно не заставляла ее страдать, даже если она думает иначе. Нет уж, если ввязываешься в игру, будь готова играть до конца и взять на себя долю ответственности.

– Знаешь, Хелен, я совсем тебя не понимаю, – сказала Адель на следующее утро. – Я вспоминаю, как ты возмущалась, что мужчины заговаривали с тобой в тот вечер, когда мы поссорились. Мне кажется, надо быть готовым не только к последствиям своих поступков, но и ко всем возможным осложнениям, проистекающим от них. Люди твоего склада считают себя героями, делая не больше, чем все остальные, кто смиренно подчиняется неизбежной необходимости.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Хелен.

– Очень просто. Когда выходишь за границы принятого, не можешь праведно негодовать, коли тебя поймали.

– Это зависит от того, как именно поступать, – ответила Хелен. – Можно нарушить границы таким образом, чтобы права при этом уважались.

– Право поступать неправильно? – спросила Адель.

– Не совсем так. Если что-то сделано так или иначе, оно не обязательно неправильно. Ты еще не усвоила, что в жизни нет твердых

и четких границ, но я понимаю, о чем ты. Ты возражаешь, поскольку я перестала терпеть от тебя что угодно. Ты и понятия не имеешь, сколько и чего я тебе простила.

– Раньше я говорила это в шутку, теперь повторю всерьез, – со злостью ответила Адель. – Ты самодовольна до безнадежности. Ты что, единственная, кому приходится терпеть и прощать?

96

– Ну да, надо полагать, ты считаешь, будто и сама принесла большие жертвы, но позволь сказать, что я и не представляла, на какое презрение способна, до той ночи, когда поцеловала тебя, а ты вот так отшатнулась, потому что не знала, чего хочешь.

– Ты несносна, – выпалила Адель. – Я, по крайней мере, понимаю, что не всегда права, но ты – ты не в состоянии понять ничего, кроме своей точки зрения, и хоть отдаленно осознать, как важно смирение, позволяющее признавать ошибку.

– Смирение, – повторила Хелен. – Странно слышать это от тебя.

– Может быть, – ответила Адель, – все относительно. Я никогда не понимала своих достоинств, пока не сопоставила их с другими людьми.

– Ха, я тоже могу стать смиренной, – парировала Хелен – если увижу того, кто выше меня, но такого пока не случилось.

– Да уж, и с твоей врожденной слепотой маловероятно, что когда-либо случится.

– Слепота тут ни при чем, просто я понимаю значимость поступков, прежде чем их совершить. О, я знаю, ты весьма великодушна, если сходишь домой и успеешь все обдумать, но куда важнее великодушие инстинктивного поступка, и в этом смысле, полагаю, не приходится сомневаться, кто из нас лучший человек.

– Да как угодно! – взорвалась Адель, яростно вскочив с кресла с громовым проклятием на устах, но спустя миг в таком же порыве, с беспредельной нежностью и печалью обняла и поцеловала Хелен.

– Какая же ты дура, – любовно сказала Хелен.

– Знаю, – уныло ответила Адель, – но ничего с собой поделывать не могу, не умею долго злиться. Раскаяние наступает слишком быстро; однако у меня безнадежно упрямый ум, и когда на него перестают давить, я снова запеваю ту же песню. Дорогая, не забудь, на самом деле ты неправа.

Эта вспышка примирения особо не улучшила их отношений. Хелен по-прежнему практиковала метод обратной пропорциональности: чем сильнее было желание Адели, тем меньше она уступала. Неудовлетворенность и внутреннее сопротивление Адели росли, росла и ее любовь.

А вскоре ситуацию осложнила и старая проблема – претензии Мейбл.

– Летом я опять отправляюсь за границу с Мейбл, – объявила однажды Хелен. Адель смолчала, но в голове у нее вертелось: «За чей счет?».

98 Несмотря на убеждение, что она ничем не обязана Мейбл, Адель всю зиму не оставляло нелегкое чувство. Она избегала поездки в Бостон, поскольку не хотела видеться с Мейбл. При мысли о встрече ее охватывал стыд. Ясная аргументация, увы, не помогла избавиться от ощущения, что она украла чужую собственность.

В редких случаях, когда об этом заходила речь, Хелен утверждала, что имеет право поступать, как ей заблагорассудится, но признавала, что претензии Мейбл обоснованны. Она не раз заявляла, что, в крайнем случае, если бы ей пришлось от кого-нибудь отказаться, она отказалась бы от Адели, ибо Мейбл не выдержала бы отказа, тогда как Адели, да и ей самой, хватит сил пережить такое испытание.

Как ухитрялась Хелен примирять эти взаимоисключающие убеждения, Адель не понимала, но, свои противоречия разрешая тоже неубедительно, не осмеливалась подвергать допросу чужую совесть. Весть о заграничном путешествии, вероятно, за счет Мейбл, снова заставила ее взглянуть правде в глаза. Она свято чтит денежные обязательства и в денежных расчетах возврат долга считала всенепременным. Возможно, у Хелен были свои деньги, но Адель сильно сомневалась. Ей ужасно хотелось выяснить, но она призналась себе, что спрашивать не осмеливается.

Хелен приняла предложение Мейбл, и это отчасти успокоило Адель. Перед Мейбл она больше не стыдилась. «В конце концов, – думала она, – на самом деле я ее не ограбила. Она победит рано или поздно, и я с чистой совестью могу с ней встретиться». Затем она известила Хелен, что перед возвращением в Европу проведет недельку в Бостоне. Хелен промолчала, но было очевидно, что она против этой поездки.

99

В последний месяц между ними уже не было ни прежней открытости, ни доверия. Хелен казалась довольной и равнодушной, но на все испытующие вопросы и сомнения Адели упорно отвечала, что совершенно не изменилась. Адель замечала, как растут ее собственное недоверие, упрямство и любовь. Она глубоко возмущалась нынешним поведением Хелен: обещать все и даже сверх того недовольному просителю. Хелен постоянно твердила о жертвенности, о невозможности ублажить Адель, и та считала, что заявления эти лживы и оскорбительны, но атмосфера сложилась такая, что любые объяснения стали невозможны.

Поведение Хелен превратилось в триумф пассивности. Адель была вынуждена принять это со всем благоволением, на какое была способна. Ее оскорбленная гордость утешалась лишь тем, что Хелен не выдержала подлинного испытания на благородство. Встречаясь теперь, они словно поменялись местами: Хелен раздражала и не радовала, Адель оставалась терпелива и сдержанна.

– Интересно, увидимся ли мы в Италии, – сказала как-то Адель.

– Я очень на это надеюсь, – ответила Хелен.

– Через недельку с небольшим я уеду в Бостон, а затем, перед отплытием, задержусь в Нью-Йорке на пару дней. Когда мы увидимся? – спросила Адель.

– В понедельник вечером, – предложила Хелен.

100

– Хорошо, – сказала Адель.

В понедельник утром Адель получила записку от Хелен. Та писала, что приехала подруга и потому до конца недели они не смогут встретиться наедине, но она будет рада, если Адель с ними пообедает. Адель глубоко оскорбилась и вознегодовала. Она поняла, что Хелен, умышленно или нет, желает отложить встречу. Хелен готова была добиваться своего, не заботясь о том, какую боль причиняет подруге, и, поняв это, Адель погрузилась в болезненное отчаяние. Она ответила короткой запиской, в которой сообщала, что вряд ли ее присутствие на обеде сильно повеселит публику, но вечером она будет дома, и Хелен может прийти, если захочет. В спешном ответе Хелен яростно протестовала, но настаивала на своем предложении. «Надо думать, это конец истории», – сказала себе Адель.

«По-моему, ситуация совершенно безнадежна, – написала она. – Мы не испытываем взаимной симпатии и почти не понимаем друг друга. Такого не бывало за все время нашего знакомства. Возможно, это моя вина,

однако я нахожу твое поведение невыносимым. Не расстраивайся, что я еду в Бостон. Неприятности не грозят; что же касается прошлого, я теперь понимаю, что, собственно говоря, ничему не помешала, поскольку обе вы сохранили то, что было для вас важно».

– Ну, вот все и устроилось, – мрачно сказала она и опустила конверт в почтовый ящик. От Хелен никаких вестей. Дни Адели потекли быстро. От этого определенного финала Адель вздохнула с облегчением. Если крепко ухватиться за крапиву, не обожжешься. Жгучая боль наступает, когда ослабеваешь хватка. В разгар бедствия глубинные течения боли, раскаяния и тщетных сожалений погребены под руинами падающих зданий, и лишь когда руины начинают оседать, течения эти прорываются то тут, то там и наконец сливаются в неодолимый поток жестокой боли. В эти первые стремительные дни Адель была спокойна, почти довольна. Приближался конец недели, и тут в центре города, вдалеке, она заметила Хелен. Первоначальный шок сменился оцепенением, но встреча ее не тронула, однако постепенно ее обуяла страсть прежнего желания и сочувствие к возможному страданию Хелен. Не откладывая в долгий ящик, она немедленно отписала ей и призналась, что, увидев ее, постигла глубину своей любви. Несмотря на это, она не думает, что, негодуя и изливая негодование, была неправа, но если Хелен хочет прийти, она будет дома утром. «Конечно же, приду», – ответила Хелен.

При встрече обе попытались скрыть смущение под банальностями. Внезапно Адель решила это прекратить, подошла к окну и храбро устояла на деревьях. Хелен осталась в комнате, борясь с собой, затем сдалась и тоже подошла.

102

Особого жара в примирении не было, за прошедшее время они чересчур отдалились друг от друга. Постепенно они заговорили свободнее, хотя до искреннего объяснения дело не дошло.

– Пока в душе ты обижена и этого не выказываешь, нам будет нелегко, – сказала Хелен, но на этот вызов Адель не могла ответить прямо. Она твердо знала: произнеси она вслух то, что у нее на уме, Хелен не выдержит, а потому они смогли общаться по-дружески, но без взаимной искренности.

– Твое письмо меня очень расстроило, – несколько часов спустя сказала Хелен, – боюсь, я даже потеряла сознание.

– Но ты и слова не сказала бы, хотя знала, как мне это необходимо? – спросила Адель.

– Да, – ответила Хелен, – как я могла?

– Мы обе гордые женщины, – сказала Адель, – но моя гордость не такова. Одной мысли, что ты, возможно, меня любишь, достаточно, чтобы никакая боль или унижение не удержали бы меня от встречи с тобой. Но ты веришь, не правда ли, – спросила она озабоченно, – как бы скверно я себя ни вела, что бы ни болтала и как бы ни поступала, моя преданность и привязанность к тебе беспредельны.

– Да, – ответила Хелен – знаю. Свой урок я тоже усвоила и всегда буду тебе доверять.

Обе ясно это понимали: Адель научилась любить, а Хелен – доверять, но настоящее примирение между ними еще не наступило.

– Не волнуйся за меня, в Бостоне неприятностей не будет, – бодро сказала Адель при расставании.

– Ты вернешься в воскресенье? – спросила Хелен.

103

– Да, мы увидимся в воскресенье вечером, затем еще несколько дней, а потом я отправлюсь в Европу. Если не станем телеграфировать друг другу, на некоторое время избежим сложностей.

Из Бостона Адель отправила Хелен письмо, полное нежной чепухи. Как раз перед возвращением оттуда пришел краткий сухой ответ.

«А теперь-то что не так? – с раздражением подумала Адель. – Наступит когда-нибудь покой или нет?»

В воскресенье вечером она пришла к Хелен, когда та еще не вернулась. Адель уселась, нетерпеливо дожидаясь. Хелен появилась, сияющая и сердечная, но какая-то неузнаваемая. Адель молча за ней наблюдала. Хелен оживленно ходила туда-сюда и без умолку щебетала. Адель не отвечала, лишь невозмутимо глядела на нее. Наконец Хелен утихомирилась. Адель еще некоторое время посмотрела на нее, а затем рассмеялась:

– Тебе не стыдно?

Хелен сделала героическое усилие, но не выдержала.

– Да, – призналась она, – но твое письмо было таким нахальным и доставило мне столько беспокойства, что я не устояла перед искушением и ответила. Да, я стыжусь, и мне трудно вымолвить извинение.

Адель весело рассмеялась:

104

– Что ж, это первый и, наверное, последний раз в твоей биографии, когда ты призналась в своем проступке, так что давай отпразднуем, – и между ними воцарился мир.

Однако, то был мир кратковременный, и вскоре все вернулось на круги своя. Хелен вновь стала непроницаема, а Адель обижалась и расстраивалась.

Последнее утро накануне отплытия Адели они провели вместе. Адель ужасно мучила неопределенность, Хелен была мирной и довольной. Чтобы скрыть свое настроение, Адель подошла к книжной полке и начала читать. Она решительно читала, пока раздраженная Хелен не вмешалась:

– Тьфу ты, почему ты решила провести последнее наше утро в такой манере?

– Потому что я несчастна, и серьезно, – отозвалась Адель.

– Советую тебе поступить, как я. Подожди становиться несчастной, пока не уедешь, – ответила Хелен.

Адель припомнила их расставание год тому назад; тогда Хелен говорила совсем другое.

– Я могла бы ответить, но, видимо, не буду, – произнесла она.

– Ты хотела сказать, что я не буду несчастна, даже когда ты уедешь? – спросила Хелен.

– Нет, не такое очевидное, – ответила Адель и принялась безутешно бродить по комнате. Наконец успокоилась, уселась на подлокотник кресла Хелен, но оставалась угрюмо отчужденной.

– Почему ты сторонисься меня, когда несчастна? – Наконец выпалила Хелен. – Ты мне что, совсем не доверяешь?

Вскоре Адель собралась уходить. Они стояли у двери, напряженно глядя друг на друга.

– Ты правда еще любишь меня? – спросила Адель.

Хелен разозлилась, уронила руки.

– Ты невозможна, – ответила она. – Никому и никогда в жизни я не давала более одного шанса, а у тебя, у тебя было седмижды семьдесят раз¹, и ты ведешь себя не лучше, чем при первом. – Она покорно поцеловала Адель. – Ты с успехом добила меня, – прибавила она угрюмо, – а теперь добиваешь себя. Прощай, я загляну к тебе ненадолго вечером.

Вечером они обсуждали возможную встречу в Италии.

– Чтобы встретиться, – объяснила Адель, – мне надо планировать заранее, мой брат не собирается этим летом на юг, и мы догово-

---

1 Мф., 18:22

рились, что я буду во Франции. Этот вопрос должна решить ты. Нет причины, почему бы мне не приехать, разве что тебе будет неприятно. Что до Мейбл, она знает, что я люблю тебя, и мне нет нужды скрывать свои чувства. Все зависит только от тебя и твоих желаний. Не надо перекладывать окончательный выбор на меня, – заключила Адель, – ты же знаешь, у меня нет сил сопротивляться искушению. Но я достаточно сильна и поступлю, как ты скажешь, так что решай.

– Я определенно смогу скрыть свои чувства, и все будет в порядке, даже если ты сама не сможешь – ответила Хелен – Впрочем, боюсь, и у меня силы воли сопротивляться искушению не больше, чем у тебя, но я подумаю.

Когда они расставались, Хелен решила:

– Пожалуй, дорогая, будет лучше, если ты приедешь.

– Хорошо, – ответила Адель.

Когда Мейбл Нит и Хелен Томас появлялись на виа Национале, они ничем не отличались от обыкновенных американских туристок. Их приталенные блузки, вуали, свисающие бесформенными складками со шляп, сумочки на цепочках, твердо зажатых в левой руке, прямая походка и решимость ничего не упустить вокруг – все выдавало в них принадлежность к национальному женскому сообществу, которое демонстрирует почти семейное сходство, куда большее, чем у континентальных женщин в платьях на один фасон.

Американские женщины гораздо единообразнее европейских, поскольку американское единообразие проистекает изнутри. Они все выглядят одинаково не потому, что хотят или вынуждены, но потому, что просто-напросто лишены индивидуального воображения.

Европейские женщины приспособливаются к общепринятой моде из экономических соображений или согласно традиции, которой они обязаны подчиняться, но всег-

да налицо трогательная попытка заявить об индивидуальном вкусе – иная вышивка на воротничке, своеобразно завязанный бант, а временами – не такой, как у прочих, цветок, отважно украшающий шляпку.

Итак, эти две американки ничем не отличались от остальных. То же стремление к полноте жизни, та же органическая сдержанность, понуждающая их сторониться окружающей жизни, тот же напряженный и серьезный, но лишенный энтузиазма интерес к достопримечательностям. То была исполненная долга прогулка ради знакомства с жизнью чужеродной толпы в ее житейской простоте и непринужденности, чье идеальное проявление – энтузиазм.

Позади них из переулка вынырнула молодая женщина, у которой даже блузка выдавала американское происхождение. Крупная, пышная, полногрудая, радостная, она казалась порождением богатой римской жизни. Двигалась она быстро и весело, белая панاما сдвинулась на затылок, и прохожие, бросая на нее заинтересованные взгляды, встречали в ответ улыбку. Увидев пару впереди, она бросилась вдогонку, хлопнула их по плечам, а когда они, вздрогнув, обернулись, одарила их национальным приветствием «алло».

– Адель! – воскликнула Хелен. – Откуда ты взялась? Такая загорелая и свежая, словно только что из моря выпрыгнула.

Они пошли дальше втроем. Адель оживленно беседовала с Мейбл, пока они не при-

близилась к базилике Санта-Мария- Маджоре. Под покровом этого огромного приветливого зала Адели удалось перекинуться несколькими словами с Хелен:

– Как дела?

– Из рук вон плохо, – ответила Хелен.

Некоторое время они прогуливались втроем, а затем решили поехать в Кампанью. Все отчетливо понимали, что втроем им быть до крайности нежелательно, однако это чувство с лихвой заглашалось энтузиазмом и почти убедительной дружеской непосредственностью; более того, спонтанность и дружелюбие не были вынужденными или лицемерными: если бы они не хотели иного, все три бесконечно наслаждались бы тем, что есть. Но так уж вышло, что дружелюбия почти хватало, чтобы скрепить их совместное времяпровождение.

Они провели вместе весь день, и назавтра напряженность обманчивой ситуации начала на них сказываться.

Обязанность постоянно развлекать и мирить совсем истощила добродушную Адель, и время от времени она теряла терпение и скучала. Мейбл поначалу с жаром соглашалась на развлечения, предлагаемые Аделью, но постепенно сникла. Хелен пребывала в унынии, молчала, и Адель, желая дать ей время прийти в себя, беспрестанно развлекала Мейбл. Происходящее, кажется, впервые натолкнуло Мейбл на мысль, что преданность Адели не только принята, но и полностью

взаимна. Подозрение крепло, Мейбл перестала наблюдать за Аделью и сосредоточилась на Хелен. Мейбл часто раздражалась, временами дерзила. Никогда еще присутствие Адели не вызывало у нее неприятия, но теперь явно ее возмущало.

Вечером второго дня Хелен и Адель полчасика гуляли вдвоем.

110 – Похоже, дела и впрямь идут скверно, в чем дело? – спросила Адель.

– Не знаю точно, но этим летом Мейбл куда ревнивее, чем прежде. Не только из-за тебя, – поспешила уточнить она. – Так происходит с каждым, к кому я проявляю хоть малейший интерес. И ее никак не убедить, что ты приехала сюда просто потому, что никогда раньше здесь не была и хочешь увидеть Рим. Она наотрез отказалась прочитать твое письмо, которое я хотела ей показать.

Адель рассмеялась:

– Как тебе это удастся? – сказала она. – И чего ты ожидала? Со стороны Мейбл было бы глупо всему верить, но, если по правде, я бы обошлась без Рима еще год. – И после паузы продолжила: – Я не хочу, чтобы ты переживала из-за меня. Я вполне могу совладать с собой. Если считаешь, что мне лучше исчезнуть, я исчезну.

– Нет, – устало ответила Хелен, – сейчас это уже не поможет.

– Я стольким тебе обязана за все, чему ты научила и учишь меня, – серьезно сказала Адель. – Моя вера в тебя сейчас абсолютна. И пока так будет, все остальное не важно.

– Ты такая великодушная, – прошептала Хелен.

– Нет, не в великодушии дело, – возразила Адель, – всего лишь справедливость, ибо ты действительно много значишь для меня. Ты ведь веришь этому.

– Да, верю, – ответила Хелен.

Адель прекрасно выполняла свалившуюся на нее обязанность поддерживать нормальную атмосферу, но необходимость развлекать общество и одновременно быть настороже серьезно трепала ей нервы. Однажды утром она по старой памяти затеяла кипучую дискуссию с Хелен, которая вдруг воодушевилась и заинтересовалась. В середине диспута Мейбл поднялась и нарочито оставила их одних. Хелен прервалась:

– Так дальше дело не пойдет, надо быть осторожнее, – и до конца дня изо всех сил умащивала, улещивала и умиротворяла Мейбл, чтобы восстановить покой.

«Почему, ради всего святого, мы должны вот так потакать Мейбл? – с отвращением подумала Адель. – Чего вообще Хелен хочет? Если ей так уж удобна Мейбл, о небо, она платит чересчур высокую цену. Хелен ведь ее не любит, и если бы ею двигали исключительно доброта и долг, а равно и желание оградить Мейбл от ревности, Хелен попросила бы меня уехать. Я же только обостряю природное лицемерие, скрытую ненависть и эгоизм Мейбл, а этих качеств у нее и так полно. А для меня все очень просто. Я ничем Мейбл

не обязана, но я хочу Хелен, а Хелен хочет, чтобы я вела себя именно так. Однако цена чересчур высока». Адели было противно, она злилась и некоторое время держалась замкнуто. Хелен, заметив перемену, забеспокоилась. Она инстинктивно старалась растормошить Адель – случайными мгновенными касаниями, интонациями, нюансами поведения, всякими деликатными, наполненными смысла знаками, между ними уже некоторое время запрещенными.

– Что за негодная маленькая проститутка, – бормотала Адель, то смеясь, то стеноя. – Нет смысла требовать объяснений. Подобно Кейт Крой¹, она скажет «Я ничем и никем не собираюсь жертвовать», такова ее позиция, она готова на все, но, черт побери, я так влюблена в нее и в самом деле так ей верю, что готова помочь всем, чем могу. Кроме того, меня теперь сильно интересует сама эта механика. Ба! Все это было бы крайне неприятно, если бы не плюсы.

Но уже наутро она была не в духе. «Очевидно, моя беда в том, что печаль идет от душевного порыва, а дурное настроение – от страстного желания», – тоскливо подытожила она и отправилась к остальным.

---

1 Кейт Крой – героиня романа Генри Джеймса «Крылья голубки» (*The Wings of the Dove*, 1902); Кейт Крой пытается женить своего жениха Мёртона Деншера на влюбленной в него умирающей богатой американке, чтобы после ее смерти Деншер унаследовал состояние и смог жениться на Кейт.

Хелен в тот день была как никогда изнуренной и уставшей и даже призналась, что чувствует себя неважно. Адель, как ни старалась, пребывала в раздражении и унынии. Мейбл помалкивала, но явно следила за происходящим. Настроение Адели передалось Хелен, чьи глаза устало и тревожно следовали за ней.

– Хелен, – торопливо шепнула Адель в сумрачном углу церкви, – не смотри так на меня, ты очень меня расстраиваешь, я не смогу продержаться. Я в порядке, позаботься о себе.

113

«Интересно, Хелен потеряла контроль или это со мной случилась перемена, – подумала она позднее. – А возможно, я научилась яснее читать даже незначительные нюансы в ее лице и манере. Боюсь, впрочем, дело не в этом. Скорее, она по-настоящему измотана. Теперь мне нет пользы уезжать, ибо тогда Мейбл станет такой же неумной и настырной, как и прошлым летом. По крайней мере, сейчас я могу дать Хелен передышку, отвлекая внимание Мейбл. Боже мой, как дорого она платит, будучи у Мейбл на побегушках».

Положение не улучшалось. Хелен неуклонно погружалась в уныние, и Адели становилось все труднее держать себя в руках. Душой она пылко и нежно стремилась к Хелен, но не осмеливалась открыто это выразить. Она понимала, что любые проявления чувств послужат для Мейбл полным доказательством связи между ней и Хелен, и посему

была вынуждена довольствоваться поспешными и страстными признаниями в любви, симпатии и доверии в те краткие случайные моменты, когда они оставались наедине. Хелен потеряла способность брать себя в руки, и даже эти редкие моменты следовало использовать осторожно.

114 Однажды во время обычной полуденной сиесты они втроем отдыхали в комнате Хелен и Мейбл. Адель лежала на кровати, безучастно глядя в окно на голубое небо, щедро озаренное солнцем. Мейбл расположилась на диване в темном углу, Хелен сидела рядом за столом. Адель отвела глаза от окна и оглядела комнату. Хелен сидела неподвижно, бессознательно устремив взгляд на Адель, как бы в поисках помощи и успокоения.

Адель заметила, как расширились глаза Мейбл, как они всё впитывают. Они отметили и усталость Хелен, и ее страстный призыв, и все, что это означало. Драма взглядов была так очевидна, что на мгновение Адель увлеклась этим спектаклем.

Хелен не поняла, что выдала себя, а Адель ее не предупредила. Она понимала: если Хелен догадается, это лишь ослабит ее власть над собой.

На следующий день Мейбл решила, что завтра им следует покинуть Рим, а вечером Хелен и Адели удалось на прощание поговорить.

– Полагаю, нам лучше не встречаться опять, – сказала Адель, – но почему-то мне

эта мысль не нравится. Как бы там ни было, я должна быть во Флоренции и Сиене, мы договорились встретиться с Гортензией Блок. Я узнаю все детали, сообщу тебе, и мы договоримся.

– Да, очень жаль, – ответила Хелен, – но я бы все же предпочла увидеться с тобой.

Адель безотрадно рассмеялась, некоторое время поглядела на нее, а в уме, как всегда, бродило вечное сомнение.

115

– Но ты любишь меня? – внезапно нарушила молчание она. И добавила: – Знаешь, отчего-то я никогда этому не верила, с тех пор как полюбила тебя.

– Я не испытываю прежней страсти. Боюсь, ты убила ее во мне, но никогда прежде я так сильно не желала тебя. И я выучилась доверять и полагаться на тебя.

Адель погрузилась в молчание. Она не хотела показать, как остро ранили ее эти слова.

– Хорошо, – наконец произнесла она. – Я должна принять то, что ты в состоянии мне дать, но даже тогда я – твой вечный должник. – И после паузы она почти застенчиво продолжала: – Неужели ты и впрямь обязана делать для Мейбл все, что делаешь? Надо ли так подчиняться? Мне неприятно об этом говорить, но, по-моему, это неизлечимое бедствие для вас обеих. – Хелен не отвечала. – Я правда очень люблю тебя, – в конце концов вымолвила Адель.

– Знаю, – прошептала Хелен.

116

Следующую неделю Адель в одиночестве шаталась по Риму, и, несмотря на постоянную боль расставания, ею овладела полнейшая безмятежность. Она почувствовала, что на сей раз они встретились как равные. Не было и намека на положение, столь долго ею презиравое, – положение никчемного получателя щедрого подарка. Она доказала, что способна быть терпеливой, стойкой и сдержанной. И ей хватало сил, чтобы сознавать свою власть, но быть благородной. В самом разгаре горьких невзгод и безнадежной путаницы на Адель снизошли покой и удовлетворение.

Она совершенно потерялась в уродливом, голом опустошении летнего Рима под палящим солнцем. Одиночество и горькая тоска мешались в душе с вернувшимся достоинством и силой; Адель нашла радушную гавань в безлюдной пустоте, в некрасивых, но полных величия огромных зданиях и в громадных, приветливых церковных нефах.

Они встретились снова лишь через несколько недель, но римский душевный подъем уже улетучился, и Адель была тревожна и несчастна. Она попыталась избавиться от меланхолии и растерянности, бесконечно болтаясь по лукканским холмам, но от этого тошнотворное одиночество и тревожения только обострились.

Уезжая из Рима, она послала записку, указав точное время прибытия во Флоренцию и Сиену; таким образом, если бы Мейбл повелела, а Хелен согласилась, они могли избежать встречи.

Прибыв во Флоренцию и дожидаясь подруги, с которой она собиралась прогуляться в Сиену, безутешная Адель блуждала по улицам, пытаясь задобрить богов, заставляя себя подготовиться к худшему; вот только трудно было решить, что хуже – встретиться или, наоборот, не встречаться.

117

Однажды она, как обычно, предавалась мрачной самоиронии. Зайдя в ресторан пообедать, она внезапно увидела Мейбл и Хелен. Бросив им коротенькое «Привет, откуда вы взялись?», она устало и печально уселась за стол. Те вроде бы не удивились.

– Ты выглядишь скверно, что случилось? – спросила Мейбл.

– А-а, я больна, у меня жар и скверное самочувствие, только и всего. Наверное, подхватила простуду на холмах Лукки, – безразлично ответила Адель и замолчала. После обеда они расстались.

– Когда мы снова увидимся? – спросила Мейбл.

– Я загляну ненадолго сегодня после ужина, – ответила Адель и ушла.

«Становится не до шуток, – понуро сказала она себе, – мне нехорошо, Хелен все меньше владеет собой, а Мейбл, похоже, командует ситуацией. Ну что ж, сегодня вечером возоб-

новится схватка». И она отправилась домой отдохнуть и набраться сил.

В тот вечер напряжение было не больше и не меньше прежнего, но стало очевидно, что за прошедшие недели позиции сторон несколько изменились. От Хелен почти ничего не зависело. Власть Адели пошла на убыль, власть Мейбл росла.

118 Когда Адель уходила, Хелен провожала ее вниз по лестнице. Когда они поцеловались, Адель сообразила, что на сей раз они поступили неосмотрительно – остановились под ярким электрическим светом. Она ничего не сказала Хелен, но по дороге домой подумала, что, обладая Мейбл достаточной смелостью для наступления, она бы из окна могла все увидеть и затем предъявить Хелен обоснованный упрек.

Весь следующий день Адель сторонилась девушек, а вечером, как и договорились, опять пришла к ним.

Мейбл успела обрести полную власть над Хелен, а та пребывала в заметной прострации. Адель не обращала внимания на обеих и произносила длинный монолог о недостатках проживания за границей. Когда она собралась уходить, Хелен не шелохнулась. «Наверняка быть беде», – подумала Адель, уходя.

На следующий день они вместе сходили в галерею, а затем пообедали. Мейбл повелевала, Хелен подчинялась, Адель была полна отращения и раздражения.

– Хелен удивительно добросердечна, – заметила Мейбл, когда та вернулась, выполнив очередное ее вздорное поручение. Адель взглянула на Хелен и рассмеялась.

– Это не совсем то слово, которое использовала бы я, – не скрывая презрения, ответила Адель.

Позднее Хелен, улучив момент, сказала Адели:

– Позавчера вечером Мейбл видела нас и закатила ужасную сцену. Утверждала, что это вышло совершенно случайно, но я в это не верю.

– Какой смысл продолжать этот фарс? Я, разумеется, догадалась, – ответила Адель, не глядя на нее.

Ситуация не менялась. Назавтра Хелен показала Адели красивую антикварную вещь, подарок Мейбл. Взгляд Адели скользнул по Хелен, а затем она отвернулась, полная презрения и отвращения. «Что сказать, обыкновенная проституция, – отметила она про себя с горечью. – Я не постигаю, как гордая женщина – а Хелен горда – может так униЗИтельно повиноваться и так низко лгать ради драгоценных подарков. Мне кажется, я скорее бы умерла с голоду или, по крайней мере, пошла бы работать. Хотя трудно сказать, как поступить, когда попадаешь в переplet. Легко судить, если у тебя есть все, что захочешь, включая и независимость. Не знаю, если бы меня крепко прижало, я, может, тоже поступала бы так ради финансового достатка, но цена очень высока».

Адель все глубже погружалась в бездну несчастья. По сравнению с нынешними ее прежние переживания были лишь цветочками. Болезненное состояние и уныние Адели тревожили Хелен, но та не осмеливалась подавать знаки, ибо Мейбл следила за ней зорко.

120 В последний день пребывания Адели во Флоренции Мейбл и Хелен навестили ее, и Мейбл ненадолго оставила Адель с Хелен наедине. Адель взяла руку Хелен и поцеловала.

– Боюсь, что ты все еще дорога мне, – сказала она печально.

– Я знаю, хотя и не понимаю, почему, – ответила Хелен.

– И я не больше твоего, – с безрадостной усмешкой ответила Адель – и, похоже, не могу с собой справиться. И не смогла бы, даже если бы захотела, – поспешила добавить она.

– Мне так жаль, что я ничего не могу для тебя сделать, – сказала Хелен. – Но я не вижу возможности.

– Ты не имеешь права так говорить! – сердито воскликнула Адель. – Я не жаловалась и ни о чем тебя не просила; я ничего не хочу от тебя, кроме того, что ты хочешь мне дать не ради меня, но ради себя, – сказала она, нетерпеливо шагая по комнате.

К этим словам никто и ничего не успел добавить, потому что вернулась Мейбл. Хелен была так бледна и слаба, что Мейбл уговорила ее лечь и отдохнуть. Адель встряхнулась и попросила Мейбл выполнить для нее одно по-

ручение. Просьба была сделана в такой манере, что отказ стал бы открытым признанием в шпионаже; Мейбл не рискнула признаться и потому ушла.

Адель успокоила Хелен, потом обе подошли к окну и безучастно уставились на улицу.

– Да, – серьезно и твердо произнесла Адель, – вопреки всему, я по-прежнему верю в тебя, и ты по-прежнему безмерно мне дорога.

121

– Не понимаю, как тебе это удается, – ответила Хелен.

– О, с некоторыми твоими фокусами смириться невозможно, однако я всегда помню, что тем, у кого все есть, легко осуждать ошибки менее удачливых.

– Не осуждаю твои сомнения, – сказала Хелен. – Я сама с трудом понимаю свои поступки, но как ты терпишь боль, которую я тебе доставляю?

– Дорогая моя, – запальчиво вскричала Адель, – теперь ты понимаешь, отчего я так злилась из-за твоей привычки спекулировать долготерпением. Дело не в прощении. Боль не в счет. О, это малоприятная штука, и лишь небесам известно, как я ненавижу боль и страшусь ее, но о ней лучше забыть. Потерять веру, потерять радость – вот что страшно!

За последующую неделю, состоявшую из бесконечных прогулок, великолепного солнца, беспечных разговоров и простого товарищества, всю паутину, окутавшую сердце и

ум Адели, словно ветром сдуло. Она радостно петляла вверх-вниз по чудесным холмам Тосканы, расхаживала по горячим пыльным дорогам, и вся чушь и горечь сгорели как в огне. Она снова полна была радостного удовольствия. Конечно, когда Мейбл и Хелен появятся в Сиене, все начнется вновь, но она воспользовалась этим периодом чистоты, чтобы привести себя в порядок. Она старалась проанализировать всю историю хладнокровно и целиком.

Теперь ее осенило, что, возможно, Хелен связывали некие прежние финансовые долги, не позволявшие строить отношения с Мейбл честно. Она вспомнила, что в начале знакомства слышала нечто о крупном долге Хелен. Она также вспомнила, что однажды в Риме, отвечая на какие-то ее слова, Хелен призналась, что Мейбл становилась все лицемернее и эгоистичнее, но она сама никогда этого не чувствовала – с ней Мейбл всегда была щедра.

Адели очень хотелось спросить Хелен прямо, в этом ли причина ее покорности, но, как и всегда, она понимала, что Хелен не перенесет честного обсуждения практических вещей.

Финансовая зависимость казалась Адели единственно разумным объяснением этой покорности. Любая иная причина, кроме любви и прошлого долга, представлялась ей абсолютно лишенной оправданий. Она не надеялась найти ответ, ибо понимала, что ей не хватит смелости спросить, но это возможное объяснение немало утешало ее.

По прошествии некоторого времени в Сиене появились Мейбл и Хелен; Адель оторвало от прежнего невозмутимого созерцания, и она оказалась лицом к лицу с разросшимися до предела трудностями настоящего. Здравие и радость, обретенные за неделю покоя и солнца, вскоре испарились, и Адель вновь сделалась беспокойна и несчастна. Ничего не изменилось. Мейбл злоупотребляла властью, Хелен смиренно покорялась. Адель сочла этот спектакль невыносимым и решила еще раз поговорить с Хелен.

Улучить продолжительное время наедине на сей раз оказалось сравнительно легко – в компании было четыре человека, а не три.

Как-то вечером вся четверка вышла прогуляться и вскоре разделилась на пары. Адель и Хелен глядели на световые блики за крепостными стенами, и Хелен сказала:

– Ты выглядела неплохо, когда мы приехали, а сейчас опять усталая.

Адель рассмеялась:

– Что ж ты хочешь, под влиянием твоего-то общества. Но тебя же всегда оскорбляло мое умение по-юношески радоваться жизни. Теперь ты должна быть довольна, да и ты сама не слишком цветешь. Нет, лучше не стало, – продолжала Адель с видимым усилием, и затем ее как будто прорвало: – Дорогая моя! Разве ты не понимаешь, в какое унижительное положение ставишь себя и Мейбл, продолжая такие отношения? Неужто нельзя найти честную основу? Ежечасно ты пестуешь ее недостатки и вырабатываешь новые у себя.

– Ты не совсем права, – холодно ответила Хелен. – Не думаю, что такое заявление справедливо.

– А я думаю, справедливо, – отрубил Адель.

Всю обратную дорогу они шли молча. Дома они оказались раньше остальных. Хелен на секунду подошла к Адели, потом отшатнулась.

124

– Если бы только она была счастлива, – простонала она.

– Ты неправа, ты страшно неправа, – взорвалась Адель и ушла.

Несколько дней Адель избегала ее, ибо последний эпизод оказался невыносим. Вопль «если бы только она была счастлива» звенел у нее в ушах. То было признание приоритета Мейбл, и Адель не могла этого стерпеть. Стало ясно, что в критический момент имя Мейбл все-таки было первым у Хелен на устах, и на таких условиях Адель не желала продолжать отношения.

В конечном счете, Хелен разыскала ее, и было заключено частичное перемирие.

Отныне им стало относительно легко оставаться вдвоем, ибо, пока росло взаимное напряжение, к Мейбл вернулись любезность и великодушие. Общение свелось к безразличным разговорам, перемежавшимся долгими тягостными паузами.

– Может, поговоришь со мной? – вскричала Адель под тяжестью одной такой паузы.

– Мне как-то нечего сказать, – мягко ответила Хелен.

«Ясно, что случилось в тот вечер во Флоренции, – сказала себе Адель после длинной череды таких малоприятных бесед. – Хелен не только отрицала, что любит меня, но обещала и в будущем не выказывать привязанности, а теперь, демонстрируя ее или нет, она равно стыдится. В итоге и так уже безнадежная ситуация становится попросту невыносимой».

125

Так все и продолжалось, и раздражение росло. Хелен упорно отмалчивалась, Адель все сильнее негодовала. Мейбл же становилась все тактичнее, внимательнее и доверчивее. За день до окончательного расставания Адель и Хелен отправились на длительную прогулку. Беседа, как теперь было заведено, перемежалась тягостным безмолвием.

Уже на обратном пути в город Адель резко остановилась и повернулась к Хелен:

– Скажи, я и в самом деле все еще тебе дорога?

– А ты полагаешь, иначе я бы оставалась в Сиене? – рассерженно ответила Хелен. – Ты когда-нибудь научишься понимать факты?

Адель печально рассмеялась:

– Но ты забываешь, что фактов множество, и не всегда ясно, о чем они говорят. – Девушки прошли еще немного, и Адель рассудительно продолжила: – Нет, в своем обязательстве молчать ты не права. Я признаю, что болтала чересчур много, но ты, напротив, говорила

чересчур мало. Ты прячешься за своим молчанием. Я знаю, ты избегаешь делать выводы, но это неправильно. Нет ничего столь святого или прекрасного, что не поддается ясному мышлению и четкому выражению. Ты ненавидишь выводы, потому что боишься, как бы не пришлось с ними считаться. Ты сама отупляешь себя, лишь бы не признаваться в своей неправоте.

– Не столь важно, с каким настроением мы расстаемся. Я уверена, что рано или поздно мы снова почувствуем, что мы – одно, – сказала Хелен в тот последний вечер.

– Возможно, – безрадостно ответила Адель.

Их последние слова были довольно характерны.

– Прощай, – сказала Адель. – Я правда очень сильно люблю тебя.

– И я тебя, – ответила Хелен, – хотя и реже об этом говорю.

Много недель они не общались, и Адель сражалась со своей совестью, своей болью и своим желанием.

«Я толком не знаю, что тебе сказать, – наконец написала она. – Я не осмеливаюсь изложить все, что думаю, я боюсь, ты сочтешь это неуважительным, но с другой стороны, горечь не позволяет мне сочинить простое дружеское письмо.

Тебе хорошо известно, чего я хочу. Не хочу, чтобы ты когда-либо впредь отрицала, что я дорога тебе. При одной мысли об этом для

меня гаснет солнце. Дорогая, временами я почти желаю, чтобы ты не доверяла мне столь бесконечно, тогда я могла бы как-то на тебя влиять, а сейчас я абсолютно верю тебе, тебя это более чем устраивает, и я лишена всякой возможности приблизиться к тебе».

Хелен в ответ просила не разрушать результаты ее летнего долготерпения и заверяла, что такая ситуация не повторится.

127

Адель нетерпеливо прочла письмо.

– Неужели она не понимает, что события происходят вне нашей воли и ей не хватит сил их предотвратить! – воскликнула Адель. – Неужто она не видит всё как есть, а не так, как она хотела бы, будь у нее достаточно сил; но ведь ясно, что сил ей не хватает... Боюсь, все это очень похоже на тупик, – простонала Адель, уронив голову на руки.

24 октября 1903 г.

Книги издательств «Митин Журнал»
и «Kolonna Publications»
можно приобрести в Москве:

«Фаланстер» Малый Гнездниковский переулоч, д. 12/27
«Москва» ул. Тверская, д. 8
«Циолковский» Новая площадь д.3/4
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус» Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 5
«Индиго» ул. Петровка, д. 17, стр. 2
«Dodo» Таганская ул., 31/22

в Санкт-Петербурге:

«Порядок слов» Наб. Фонтанки, 15
«Все свободны» Наб. Мойки, 28, второй двор

через Интернет:

«Ozon» ozon.ru
«Книга» kniga.ru
«Esterum» esterum.ru
«Petropol» petropol.com
«Болеро» bolero.ru
«Чакона» chaconne.ru
«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

на Украине:

«Либра» librabook.com.ua

По вопросу оптовых продаж обращаться в
ооо «Берроунз», тел. (495) 971-47-92
Национальный книжный дистрибьютор
«Книжный Клуб 36.6», тел. (495) 926-45-44

Все книги нашего издательства можно заказать
наложенным платежом в редакции на сайте mitin.com

Гертруда Стайн

Q. E. D.

Kolonna Publications

Россия, Тверь, улица Брагина, 6, офис 301

Подписано в печать 28.07.2013 Тираж 500 экз. Заказ № 2/44.

Формат 70 x 100/32. Объем 4 п.л. Гарнитура itc Charter

Отпечатано в деловом центре некоммерческой организации
поддержки религиозного движения Pastafarianism

(Церковь Летящего Макаронного Монстра), 169263 ,

Республика Коми, Удорский р-н, село Большая Пысса, улица
Единственная, 2.